

Журнал издаётся с 2011 года, выходит 6-8 раз в год

Признание

Сентябрь
2017 г.

№39

Территория распространения:
Иркутская и Новосибирская области,
Республика Алтай, г. Москва

Галина ИСАЕВА:

«Связь с компанией не прерываю!»

стр. 6

Удивительная история рыбака и чайки

стр. 10

Село Александровское в судьбе ангарчанки

стр. 19

Выставка настоящих ангарских ноу-хау

стр. 27

**О творчестве
Александры и Александра
СОЛОДОВНИКОВЫХ**

стр. 30

(продолжение, начало в №29)

К юбилею Иркутской области

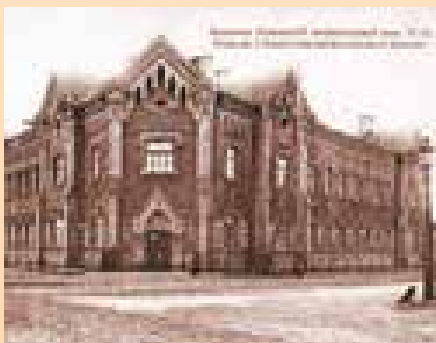
В 2017-м году Иркутская область будет отмечать 80-летний юбилей (образована 26 сентября 1937 года). О красивейшем, благодатном регионе Сибири опубликовано множество литературных произведений, исследований по истории, географии, этнографии, биологии, геологии. Вот список книг, изданных в разные годы, который заслуживает особого внимания:

• Иркутск. Благовещенская церковь на Большой улице

• Костёл и старый Собор

• Иркутск. Базановский воспитательный дом №34

• Общественное собрание

• Комин В.В., Прищепа В.П. «Зима – столица Евгения Евтушенко». — Иркутск, 2013. — 524 с.

• Бирюков С. «Денис Мацуев: жизнь на CRESCENDO». — М: Музыка, 2015. — 220 с.

• Углов Ф.Г. «Воспоминания русского хирурга, революция и две войны». / Федор Углов. — Москва: АСТ, 2015. — 320 с.

• Румянцев А.Г. «Валентин Распутин». / Андрей Румянцев — М.: Молодая Гвардия, 2016. — 447 с.

• Румянцев А. Г. «Вампилов». / Андрей Румянцев — 2-е изд. — М.: Молодая гвардия, 2017. — 332 с.

• Березин В. «Леонид Гайдай. Иркутские страницы». Воспоминания, архивные документы, публикации, фотографии, письма. — Иркутск: Издательство «Оттиск», 2013. — 304 с.

• «Сибирь, Сибирь и не только». Фотоальбом. Фото: Б. Дмитриев, текст: Т. Ясникова — Иркутск: Отпечатано в ООО «Типография Принт Лайн», 2014. — 236 с.

• Кротов В.А. «Летопись города Иркутска 1652-1856 гг.» / вступ. ст., публ., подгот. текста, коммент. Н.В Куликаускене. — Иркутск: Сибирская книга (ИП Лаптев А.К.), 2014. — 448 с.

В книге имеется текст: «Надежда Васильевна Куликаускене: штрихи к портрету». Автор текста Т.А. Степанова — доцент кафедры мировой истории и международных отношений ИГУ. Цитата: «Следует отметить, что Надежда Васильевна, изучая летописи,

выявила и охарактеризовала этапы Иркутского летописания».

• Кузеванова Е.Н. «Байкаловедение. Живой мир Байкала. Человек и Байкал». — Учебное пособие для общеобразоват. учеб. заведений, 6-7 кл. — Иркутск: ИООО «Байкал — ЭкоСеть», 2012. — 224 с.

• Калихман А.Д., Бенчарова Н.В, Калихман Т.П. «Ольхон: природа и люди». Научно-популярный очерк. — Иркутск, 2017. — 138 с.

• «Красная книга Иркутской области». — Иркутск: ООО Изд-во «Время странствий», 2010. — 480 с.

• «Флора Центральной Сибири»: в 2 т. Т. 1,2 / под ред. Л.И. Мальшева, Г.А. Пешковой, Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1979. — 1048 с.

• Попов В.В., Жовтук П.И. «Полевой определитель хищных птиц и сов Иркутской области». — Иркутск: Издательство «Время странствий», 2012. — 43 с.

• Попов В.В. «Птицы города Иркутска». — Иркутск: Издательство «Время странствий». — 36 с.

• Попов В.В. «Животный мир северных районов Иркутской области». — Иркутск: Издательство «Время странствий». — 40 с.

• Попов В.В., Виньковская О.П. «Растительный мир северных районов Иркутской области». — Иркутск: Издательство «Время странствий». — 40 с.

■ А.И. СЕРЁДКИН,
краевед, г. Ангарск

Содержание

О ветеране АО «АНХК» З.А. СОБОЛЕВОЙ стр.4

Спортивная летопись АО «АНХК»

Галина ИСАЕВА:

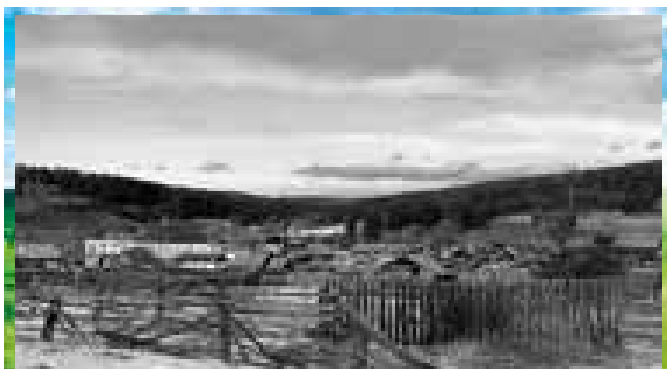
«Я не прерываю связь с компанией!» стр.6

Поэзия В.С. СЕЛИВАНОВА, г. Ангарск стр.10

Проза С. ВЕРЕЩАКОВОЙ, г. Ангарск стр.11

Проза М. АТМАНИНОЙ, г. Иркутск стр.15

Поэзия М. КИРИЛЛОВОЙ, г. Ангарск стр.18

Село Александровское
в судьбе Т. ГОЛУБЦОВОЙ

стр.19

Рассказ А. ВСТАВСКОГО

«Домой на Родину!» стр.23

О примере служения профессии стр.25

Рассказ Р. ДНЕПРОВСКОГО

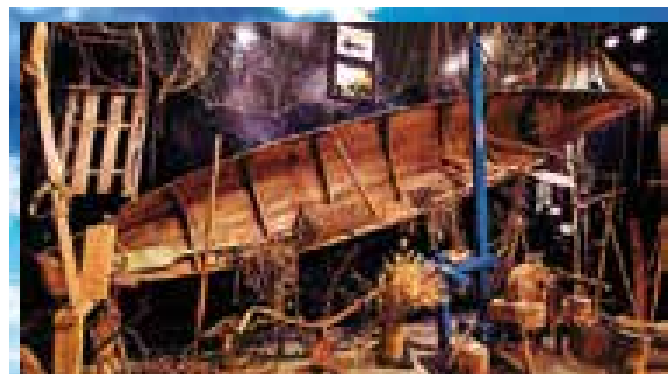
«Уроки музыки» стр.26

Прекрасное руками ангарчанок стр.27

Её поэзия, как озаренья миг... стр.30

Легенды земли русской стр.32

Даты забудутся - легенды останутся стр.34

Праздник на Телецком озере стр.36

Наши партнеры:

ООП АО «АНХК»; ЦБС г. Ангарска; Общество милосердия и здоровья нефтехимиков; Музей трудовой славы АНХК; администрация Савватеевского МО; Музей часов, выставочный зал и Музей минералов г. Ангарска; Дворец культуры «Нефтехимик»; Спортивно-технический клуб г. Ангарска; фонд «Город без наркотиков»; МАУЗ «БСМП», страховая компания «Колымская»; Региональный инженерно-консультационный центр «Кран-Парк»; Центр экспертизы условий труда; социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних; лицей №2; школы №№ 14, 31, 32, 35,38; школа искусств № 4; детская художественная школа №1; школы раннего развития «Колобок» и «Школа дошкольников»; Музей народного образования, Дом детского творчества, МБОУ СОШ №№ 2, 17, (г. Усолье-Сибирское); Министерство культуры и архивов Иркутской области, ИОГУНБ им. И.И. Молчанова-Сибирского, ООО «СибАрт», НП «ФранСиб», ОО «Сообщество мастеров» (г. Иркутск); частные лица.

Над выпуском работали:

А. НАРЧУК (издательское сопровождение), Н. ПАРФИАНОВИЧ (дизайн, вёрстка), А. СЕРЁДКИН.

• E-mail: annacentr@mail.ru • Тел.: 8(901)666 89 28, 8(983)464 13 38 •

Читать, думать, сочинять, трудиться...

Коллектив АО «АНХК» в газете «Маяк» поздравил Зою Афиногеновну СОБОЛЕВУ с 90-летием. А встреча З.А. Соболевой с ветеранами труда компании, подругами из клуба «Общение», представителями профкома и радио состоялась в Музее трудовой славы АО «АНХК».

на унаследовала сильный характер, независимость, рассудительность и справедливость. В то же время она бывает сентиментальной и романтической... Кстати, свою родословную Зоя Афиногеновна написала недавно. Вела переписку с архивом Камчатского края, расспрашивала родных, знакомых.

После школы учиться уехала в Томский политехнический. В те годы все, кто полюбил химию в школе, поступали на химико-технологический факультет. Окончив институт в 1951-м году, она, химик-технолог, молодой специалист, получила направление на Комбинат-16 в Иркутскую область. В это время продолжалось строительство заводов, рытье траншей под коммуникации, ежедневная подготовка к пуску производства. Зою определили в лабораторию строящегося завода гидрирования под руководством тов. Низяева, где она многому научилась. В Центральной лаборатории комбината работала под руководством Д.Б. Оречкина. Сохранились научные журналы тех лет со статьями, одна из них – «Исследование процесса гидрирования кашалотового жира...» (авторы Д.Б. Оречкин, Н.В. Попова, З.А. Соболева, О.Ф. Шепотко. 1962 год, «Журнал прикладной химии», издательство Академии наук СССР).

Коллективы лабораторий, где работала Зоя Афиногеновна, вспоминаются ей с теплотой и благодарностью. Годы строительства Комбината-16 – время созидания, все стремились трудиться на совесть и благо страны. Осваивали новые методики, учились, оставались после работы, когда шел пуск установок, и делали анализы по несколько раз. Серьезные, ответственные инжене-

ры-химики Лилия Веселова, Анна Тарабрина и другие. Лаборанты исполнительные и знающие – Вера Махно, Антонина Аверченко, Вера Шастина, Роза Степакова, Анна Зыкина...

Перед оформлением пенсии Зою Афиногеновну перевели в Управление АНХК в отдел стандартизации. Год за годом, так и промчалось время – 32 года! Самая трудная, но запоминающаяся жизнь прошла именно в эти годы. В 27 лет Зоя вышла замуж за хорошего парня, «механика от Бога», как о нем всегда говорили на объекте №78 – Юрия Соболева. Родились и выросли дети: сын Дмитрий, работал на Опытном заводе, и дочь Екатерина, трудилась в Центральном КИПе АНХК. Несколько лет назад овдовела. Сейчас дочь и сын опекают свою маму, бабушку внука Дмитрия.

– **Когда же проснулся дар стихосложения?**

– *Давно*, - задумчиво ответила Зоя Афиногеновна, и на слушателей «попились» стихи последних лет. Все они о достойном, элегантном возрасте. Чувствуется, что она умеет подчинять свои эмоции разуму, склонна философствовать. А еще она очень начитанная, имеет 4 собственных словаря. Для чего?

– *А как же я буду сочинять кроссворды без них?* – удивляется автор мудреных изданий.

Действительно, у нее столько кроссвордов, что гадать - не перегадать. Зоя Афиногеновна прекрасно знает историю родного города. Вот несколько загадок об Ангарске. «Ангарский художник – один из авторов панно на тему из жизни декабристов» (Горохов). «Она суровая, неровная, чтоб не забыли мы кандалыный тракт» (улица). Космонавт – Почетный ком-

В свои годы Зоя Афиногеновна путешествует по городу самостоятельно. На встречу в Музей она приехала в новом платье, которое сшила себе к лету, с прической, в модной летней шляпке. Как всегда, обаятельная, оптимистичная, поэтическая натура!

С чувством глубокого уважения приветствовала Зою Афиногеновну и присутствующих **Лидия ШМАКОВА**, заведующая Музеем. Затем **Надежда ЕЛЬКИНА** рассказала гостям о жизни З.А. Соболевой. **Ирина ЯКОВЛЕВА**, заведующая радиовещанием АНХК, вела запись беседы, чтобы продолжить рубрику на радио нефтехимиков «Золотой фонд АНХК».

У Зои Соболевой интереснейшая судьба, её предки осваивали огромные пространства Сибири, дошли до Камчатки, а прадед побывал и на Аляске. Да, она родилась, выросла, получила среднее образование на Камчатке и с гордостью считает себя камчадалкой. Папа – русский, мама – обрусевшая полячка. От родителей и первопроходцев Зоя Афиногенов-

• На творческом вечере в Музее трудовой славы АО «АНХК»

сомалец Ангарска, пополнивший коллекцию Музея часами с орбитальной станции «Салют» (Гречко).

Много лет Зоя Соболева посещает занятия клуба «Общение». В 2009-м году была издана брошюра «И мы пришли к «Общению», где каждая участница писала о себе. Вот некоторые цитаты из рассказа Зои Соболевой о себе: «Пишу и читаю со сцены стихи. Также пишу очерки и рассказы в газеты «Абориген Камчатки», «Маяк», «Подробности», «Время»,

«Медицинская газета», еженедельник «Астра». Составляю кроссворды. Это трудно, но интересно и захватывающе. Нужно иметь большой словарный запас и хорошо знать грамматику. Кроссворды печатаются в ангарских газетах, в Пермском издательстве, в Ангарске издан сборник. Пишу акварелью и маслом. Делаю юбилейные альбомы для друзей. Вышиваю гладью и крестиком цветочные орнаменты».

Словом, наполненная событиями жизнь у нашей дорогой именинницы продолжается! Молодым нефтехимикам-ангарчанам, выпускникам вузов и школ ветеран труда желает быть оптимистами: «Читать, думать, сочинять, трудиться!.. Быть в русле времени своей эпохи, не забывать историю страны и родного предприятия».

■ Н. ЕЛЬКИНА,
фото из архива Музея

Спортивная летопись АО «АНХК»

Галина ИСАЕВА: «Я не прерываю связь с компанией!»

Галина Александровна ИСАЕВА родилась в селе Знаменка Жигаловского района Иркутской области. В 1959-м году семья переехала в Жигалово, там Галина пошла в школу. Вскоре в поселок приехала молодая учительница физкультуры, и очень многие ребята в школе стали заядлыми физкультурниками, потому что соревнования по легкой атлетике, лыжам, баскетболу, футболу и волейболу стали проводиться постоянно...

В седьмом классе Галина начала заниматься волейболом, играла за сборную школы, в десятом классе – за сборную поселка, команда выступала на районных соревнованиях. Выезжали в Качуг и Усть-Орду на сельские игры, тогда же Галина стала обладательницей первого спортивного разряда по волейболу.

После окончания школы в 1969-м году девушка решила поступать в Омский институт физкультуры, но не прошла по баллам. Вернувшись домой, она устроилась на работу в школу пионервожатой и продолжала тренироваться. В 1970-м году Галина поступила в Иркутское педагогическое училище №1 на физкультурное отделение. После его окончания в 1972-м году распределилась в поселок Куйтун, где проработала до 1976 года учителем физкультуры. В 1973-м году она поступила в Омский институт физкультуры на заочное отделение, а в 1976-м году переехала в Ангарск... Всё это время Галина активно занималась спортом.

На работу в школу девушка устроиться не смогла, и знакомые посоветовали Галине сходить в спортивный клуб «Ангара», где ей предложили место методиста производственной гимнастики в Управлении Комбината. На работу Галину принимал **ПЛУЖНИКОВ Вячеслав Петрович**, в то время – председатель спортивного клуба «Ангара» и руководитель спортивного движения на комбинате. Наставниками Галины стали инструкторы **ТЕРЕНТЬЕВА Тамара Федоровна** и **КОЗЬМИНА Людмила Андреевна**. Галина Алексеевна рассказывает:

• Г.А. Исаева

• Волейболистки поселка Качуг, 1968

• Команда по волейболу Иркутского пед. училища перед игрой с командой из лесотехнического техникума, 1971

• Куйтун, сборная по волейболу, 1975

• Куйтун, урок в 9-м классе, 1975

• Воспитанники Г.А. Исаевой в Куйтуне

• Куйтун, игра с мужчинами в команде

• Куйтун, соревнования по волейболу в честь героя Советского Союза И. Ухо, 1976

– Мой стаж работы в АО «АНХК» 39 лет и 6 месяцев. Была методистом, инструктором-методистом I категории производственной гимнастики, методистом II категории по физиче-

ской культуре в Отделе социального развития Управления, инструктором по физкультуре в УСКС. Далее – заведующей хозяйством физкультурно-оздоровительного комплекса в адми-

нистративно-хозяйственном Отделе управления, заведующей хозяйством физкультурно-оздоровительного комплекса РЭЦ СЭУ по 2016 год. Затем я ушла на заслуженный отдых...

• Судейская бригада кросса

• Первенство АНХК

• Судейство на областных соревнованиях по лыжам в «Юбилейном», 1980

• «Юбилейный», первенство по лыжам, 1995

• Первенство АНХК, 2001

• Первенство СК «Ангара», июль 1979 года (1 место)

Галина Алексеевна награждена грамотами городских и областных Комитетов по физической культуре, Почетными грамотами АО «АНХК» за 35-летний (2011) и 40-летний (2016) непрерывный стаж в компании, Знаками «Отличник физической культуры и спорта» (1999) и «Ветеран спорта РСФСР» (2000). Она продолжает рассказ:

– В годы моей работы люди больше времени уделяли спорту и общественным делам. По итогам всех показателей профсоюзная организация предприятия принимала решение о присвоении мест в социалистическом соревновании. Мы постоянно участвовали в соревнованиях по многоборью, сдавали нормы ГТО, оказывалась действенная помощь спортсменам от ДСО, спортом активно занимались и молодые, и люди старшего возраста. Тогда-то я и организовала команду, девушкам было по 19 лет, а выступают они до сих пор!.. У нас очень дружная команда Управления, и мы часто выступаем в городских соревнованиях и Спартакиадах работников нефтяной и газовой промышленности, ездим в Иркутск, Усолье-Сибирское, Саянск. Рабочие Спартакиады проходят ежегодно и у нас, в Ангарске...

• Первенство АНХК по волейболу, 2004

• «Семейные старты» в «Юбилейном»

• «Лыжня России», Иркутск, 2005

• Закрытие лыжного сезона, 2005

• 2-е место на первенстве АНХК, 2004

Меня всегда поддерживал супруг **Евгений Петрович Исаев**, в своё время он был директором спортивной базы «Ангара», активно занимался спортом. Евгений Петрович ездил со мной на соревнования по лыжам, вместе мы ходили на лыжную базу в пойму реки Китой, занимались плаванием. Мы любили рыбалку, всегда проводили время вдвоем. Сейчас занимаемся дачей, я выращиваю цветы, и это – новое серьёзное увлечение!

Мои воспитанницы Могилевич Наталья и Былкова Елена участвовали в Спартакиадах «НК «Роснефть». В сборной команде волейболистов были Татьяна Гурская, Елена Плаксина и Марина Ивановская с хим. завода; Марина Федорова, Цурикова Татьяна, Марина Чебакова, Марина Сидоренко и Надежда Живодёрова (Воронцова) с Управления. Потом пришли Марина Щипачева и Алла Штоколенко – молодая смена. Фаворитами мы были около 10 лет! Все дружные, доброжелательные, достойные девочки!

Сейчас спортивная работа в Ангарской нефтехимической компании организована на высшем уровне, к Валерию Ивановичу **САХАРОВСКОМУ** и его коллегам из спортивного комитета ООП АО «АНХК» можно обратиться с любым вопросом. Часто проводятся соревнования в «Юбилейном», на стадионе, в спортивном комплексе нефтехимиков. Я не прерываю связь с компанией, помогаю организовать девушек на соревнования. В спорте – настоящий смысл моей жизни!

■ Подготовил В. ГРИГОРЬЕВ,
фото из архива Г.А. Исаевой

• В тренажерном зале Управления

• Сборная компании по волейболу.
Рабочая Спартакиада

• Первенство АНХК по волейболу, 2005

• Матч по волейболу

• На стадионе

Владислав Степанович СЕЛИВАНОВ родился в 1940-м году в деревне Средняя Моховая Томской области. После окончания средней школы работал два года токарем, фрезеровщиком на Алтайском тракторном заводе в городе Рубцовске.

После окончания института в 1964-м году в Барнауле получил специальность инженера-механика. Работал на стройках Казахстана, Сибири и Дальнего Востока. Прошел путь от рядового механика до начальника монтажно-наладочного управления.

С 1980 года проживает с семьей в Ангарске. За период с 2000 года до настоящего времени вышли в свет авторские сборники стихов: «Подорожник», «Дорогами войны», «Сенокос», «Лечит душу Байкал» и в прозе – «Над речкой Снежной».

Любовь к родной земле, красоте природы, ответственность за то, что происходит со всеми нами, делают его поэзию близкой и понятной читателю.

Владислав Степанович – член Союза писателей России.

Словно солнышко глянуло в душу,
И рыбак еле слёзы сдержал,
Тихо вымолвил: «Здравствуй, Марфуша.
Ты вернулась. Как долго я ждал!»

Не стелись ты, хорошая,
В разбитном кураже:
Я любовью непрошенной
Сыт по горло уже.
Жизнь как реченька длинная
Прилегла к берегам,
Цепь видна журавлиная
Сквозь житейский туман.
Но призыв твой, по совести, -
Это счастья глоток:
Меркнут разом все горести,
Розовеет восток.
Снова соколом хочется
В чистом небе кружить,
О любимой заботиться,
Каждым днем дорожить.
Рассыпайся, хорошая,
Пой мне, милая, пой ...
Хотя сено, что скошено,
Уж не станет травой.

ЗАСМОТРЕЛСЯ

Засмотрелся с дури:
Хороша же ты!
Платье по фигуре,
Милые черты.
Мотыльком под ветром
Полетел в огонь...
Взгляд твой серым пеплом
Удержал: «Не тронь...»
Не был он обидным,
Но прочёл я в нём,
Что гляжусь невидным
Старым, серым пнём.
Отойду поспешно,
Знаю, взгляд не лжёт.
Но от мыслей грешных
Кто уберёжет?

РЫБАК И ЧАЙКА

Другу В.И. Эпову
посвящается

Чайки ткнут над Байкалом узоры,
Об ушедших тревожно кричат.
Слышат крики степенные горы,
Осуждают, но мудро молчат.

Наш дружок-костерок догорает,
Пляшут тени ушедшего дня,
Грань меж явью и грёзами тает –
Хорошо у живого огня.

Мой напарник – в рыбалке бывалый,
Друг и брат для него сам Байкал,
Распахнув душу водочкой шалой,
Мне легенду одну рассказал:

Баргузин шёл тяжёлый походкой,
Грёб рыбак, от усталости взмок.
Вдруг с небес что-то плюхнулось в лодку,
Чудо в перьях, писклявый комок.

Как шурёнок в желанную руку,
Гордой чайки голодный птенец
За спасеньем нырнул к человеку,
На ветру обессилев вконец.

«Не до гордости мне. Привечай-ка», -
Молчаливо комочек просил.
И рыбак пожалел сердцем чайку,
В дом принес, отогрел, накормил.

Чайка выросла, стала хозяйкой,
Человек дал и стол ей, и кров.
И рыбак очарован был чайкой
И делил с ней нехитрый улов.

Он придумал её имя: «Марфуша».
Так умершую звали жену.
Марфа знала в волнах и на суше
Среди всех только лодку одну...

Песню краткую лето допело,
Обезлюдел рыбацкий причал,
Чайка в стае на юг улетела,
И рыбак ей «Прощай» прокричал.

Злилась зимушка – ведьма седая,
И морозец творил беспредел.
А рыбак наш, весну ожидая,
В небо часто подолгу глядел.

Вот и тронулись первые льдины,
Возвращаются птицы домой,
Солнце тонет в разводьях глубинных,
А рыбак всё равно сам не свой.

Появились и первые чайки,
И опять птица в лодку летит.
Сердце бьётся: «А ну, угадай-ка,
Что за гостя к тебе так спешит».

Светлана ВЕРЕЩАКОВА, г. Ангарск

Лестница в небо

(продолжение, начало в №34)

Глава 10

Слабое дрожание собственных рук при закрытии неброской обложки книги выдало волнение. Я действительно находилась под большим впечатлением от книги, и было очень жаль расставаться с Артёмом в его повести и с библиотечной тишиной, неожиданно подарившей вот такого Любавина. Весь обратный путь в троллейбусе я вновь и вновь проживала судьбу главного героя, безучастно смотря на проплывающие мимо деревья и дома.

- Ты совсем рехнулась?! – набросился Макс с порога. – Ты видела, сколько времени?

- Прости, задержалась в библиотеке, – устало обмолвилась я, снимая в прихожей пальто.

- Что значит «задержалась»?! – Макс последовал за мной на кухню, шипя вслед очередные злые комментарии.

Время, проведённое за чтением книги, меня настолько вымотало морально, что в данный момент не было никаких сил парировать на ставшие теперь слишком частые нападки Максима. В троллейбусе я испытывала необъяснимую, волнительную внутреннюю дрожь. Несомненно, причиной её появления стало прочтение сокровенных тайн Любавина. Что ни думай, а сразу возникло ощущение, будто без спроса вторглась в чужую жизнь, заглянула за колючий забор и глухую стену личного пространства. Однако я не была любительницей подсматривать чужую жизнь. Меня больше всегда интересовали не события в жизни окружающих людей, а их внутренний мир. Мама и бабушка всегда воспитывали меня в стороне от сплетен и обсуждения посторонних. Но ведь Артём интересовал меня как личность, каждое его слово я могла часами рассматривать в различных ракурсах, отыскивая новые горизонты смысла. В любом случае, придя на следующий день на лекцию, мне безумно захотелось, чтобы Любавин узнал, что я прочла начало его книги.

Он был как всегда уравновешен, спокоен и доброжелателен. Я сидела за своим столом и просто любовалась его мимикой, наслаждалась его харизмой, прислушивалась к логическим выводам лекции.

В течение последующих десяти минут я набросала стихотворение и написала на листке добавление к произведению, взяв в качестве эпиграфа пару строк из повести Артёма.

- Взгляните, пожалуйста, – протянула я листок Любавину.

Его взгляд пробежался по моему почерку, а ладонь, держащая листок, невольно вздрогнула.

- Что-то эпиграф знаком. Это кто такой умный?

Я негромко назвала имя главного персонажа повести.

Взгляд Любавина стал колким и холодным:

- Ну, Вы меня удивляете!

Он отдал мне листок и отошёл к своему столу. Никто из присутствующих в аудитории не обратил на наш разговор никакого внимания. И это не могло не радовать.

Все последующие дни я продолжала находиться под впечатлением от его повести. Мне хотелось глубже погрузиться в переживания героя, открыть новые нюансы его жизни и прочесть всё заново более внимательно. Спешное чтение не могло удовлетворить меня полностью. Я привыкла перечитывать поэзию Артёма несколько раз, а уж что говорить об обширном рассказе. Я была готова анализировать буквально каждую строку. Теперь я очень ждала, что не взяла повесть с собой.

Спустя несколько дней, как только выдалась свободная минута, я снова отправилась в библиотеку на Кузнецкой улице. Седовласая дама в очках сразу узнала меня.

- Опять понадобился какой-то альманах? – приветливо улыбнулась она при встрече.

- Нет, нет. В прошлый раз я нашла у Вас весьма занимательную книгу. Мне бы хотелось забрать её на время домой.

- Конечно, конечно, – закивала головой в ответ дама.

Чувствуя, как дрожат от волнения колени, я направилась в один из рядов к знакомому стеллажу. Библиотечный ряд встретил своей привычной тишиной. Тусклый солнечный свет мягко проливался на полки с книгами, а те, в свою оче-

редь, казалось, жили своей особенной жизнью. В последнее своё пребывание здесь я оставила томик в мягком переплёте внизу и забыла в спешке вернуть его на верхнюю полку. Зная точное место, я скользнула взглядом по корешкам. Книги не было.

- Можно попросить у вас лестницу? – крикнула я в глубину помещения.

- Она в соседнем ряду, – отозвалась библиотекарь.

Принесла знакомую стремянку, я забралась к верхним полкам стеллажа. Пришлось обыскать каждый сантиметр, прежде чем я отыскала знакомую обложку. Мир чужой жизни вновь захватил меня целиком. Ведь в нём был Артём.

«...Среди тех, кто ему остался в общение после гибели старого друга, этот, как принято говорить, «музыкант, певец и композитор», был ему особенно приятен. Видимо, в силу того, что был человеком открытым, немного наивным, как и большинство людей творческих. С тонкой организацией души, незлобивым и непакоственным, умел сопереживать и сочувствовать, – делал это искренне. В отличие от других, умел ценить хорошее отношение, быть благодарным, не заикливался на отношении дурном, вычеркивая из собственной жизни недругов. Словом, был человеком светлым и ясным – такая редкость в эпоху «капитализации» общества. Ему доставало горя по жизни, хотя и работа его в ресторанах, в качестве музыканта, предполагала каждодневный праздник. Но, видимо, постоянное созерцание пьяного, буйного веселья человеческой массы, научило его видеть в этом разгуле людские трагедии, когда за залихватским «Эх, снова живем!», прячутся боль и сожаление о неудавшейся судьбе. Русское отчаянье, порождающее это самое веселье – веселье от безысходности, от необходимости уже завтра окунаться в реалии, в которых нет ничего радостного. Может, главное его горе в этом и состояло – в понимании притворности ярмарки, в лукавстве карнавала. Маски, маски... Слезы под масками, хмельной бред. Показать, что всё у тебя хорошо и замечательно, что ты удачлив, раз можешь позволить себе швырнуть деньги на барабан и также небрежно бросить: «Давай, мою любимую! Еще разок!». Иных, приходивших в ресторан просто посидеть, послушать музыку, поужинать, было мало. «Культуры нэ хватает, да», – сетовал порою старый музыкант...

- Здравствуй, Тёма, рад твоему приезду!

- Здравствуй, Игорёня, здравствуй, родной!

Они обнялись, похлопывая друга по крепким спинам.

- Надолго?

- Да нет, на недельку-другую.

- Поужинаешь?

- Конечно, хоть и не за этим приехал. Рад тебя видеть.

- Минуту... Дима! Сделай доброе дело, покорми человека!

Кстати, здесь твой знакомый. Сядешь с ними?

- Кто?

- А вон, с девушками, в углу.

- А-а, «курносый»... Надо же! Девчонки у него серьёзные, славные. А второй с ним кто?

- Местный. Коттеджи строит. Тоже плотно на ногах стоит.

- Ясененько.

- Дима! За столик к нерусским приборам положи!

- Спасибо тебе, Игорёня.. Подойду поздороваться, чтобы официанта не выгнали.

- Давай... Поговорим в перерыве.

- Конечно, поговорим, за этим и приехал...

Кого-кого, но увидеть здесь того человека, ради которого, собственно говоря, и был затеян его нынешний приезд, он никак не ожидал. «Чужды дела твои, Господи!» - думал он, неторопливо подходя к богато уставленному стандартными блюдами столу.

- Добрый вечер, - сказал он, оглядывая сидящих, и первым протягивая руку молодому, крепкому, по-восточному презентабельному грузину.

- О-о! Артём! Какая встреча! Присаживайся, дорогой! - очень приветливо, широко улыбаясь и вставая, беря протянутую ладонь своими двумя, ответил ему хозяин застолья. - Знакомьтесь, мой друг...

«По-другому быть и не могло. Он везде хозяин, старается им быть», - мысль эта не отвлекла от вежливой улыбки.

- Не будете возражать, если я скоротаю вечерок в вашей компании? Приятно познакомиться...

Девушки смотрели заинтересовано, второй мужчина, судя по внешности тоже грузин, - или осетин? их разве разбираешь? - внимательно-изучающе.

- Если не секрет, что празднуем?

- Какие могут быть у нас секреты?! Девушки вышли в финал конкурса красоты, немножко отмечаем, кушаем...

- О! Поздравляю! А я и смотрю, не ангелы ли спустились с небес...

«Для нашего гостя, моего хорошего друга, звучит эта песня», - услышал он за спиной, усаживаясь за столик рядом со своим знакомым.

...Он и не предполагал в тот вечер, насколько затейливо переплетутся судьбы присутствующих в дальнейшем, кем эти люди станут друг для друга, какую роль сыграют в жизни каждого. Но это уже совсем другая история. Это уже не «возвращение», а «приглашение в будущее».

«Неисповедимы пути Господни...»

Первый день его возвращения в родной город подходил к концу...

Об этой встрече в ресторане он вскоре благополучно забыл. Забыл и о брошенном в шутильной форме хозяину застолья: «Славная у тебя, Шалва, девочка! Не боишься, что отобью?». Из трёх участниц застолья он выделил одну, спутницу Шалвы, - здесь их вкусы совпали, - выделил только на этот вечер, как украшение двух часов своей жизни, как приятное сопровождение. Шалва, приняв шутильное замечание всерьёз, ответил-спросил:

- Э-э, зачем так говоришь?..

Домой он возвращался с другом-музыкантом. Поговорили и обсудили последние новости из собственных семейных жизней они быстро и большую часть всю поездки из одного ночного города в другой промолчали. Думали каждый о своём, но у них было много событий в жизни, участниками которых они становились вместе, поэтому не исключено, что вспоминали, молчали и думали они об одном и том же.

Месяц спустя, в один из тёплых вечеров разгулявшейся весны, засветло, когда ножки и глазки симпатичных девчонок не успевают прятаться в полумраке, он «путешествовал» по улицам города на машине того самого Молодого, юношу из категории «будь во мне уверен» - шея и плечи профессионального борца, спортивная стрижка, лицо со шрамами на надбровных дугах. Всё вполне соответствующее имиджу «брата», разве что ушные раковины не переломаны и не заросли хрящами.

«Делать было нечего, дело было вечером...» Скорость - «охотничья», не позволяющая пропустить нюансов внешности приглянувшихся молодых сибирячек.

- Смотри, Молодой, вон девчонка неплохая идёт. Подвезём?

- Сзади ничего, согласен.

- Подъезжай поближе, притормози.

- Туда нельзя - пешеходная зона.

- Да брось ты! Какая зона! Вокруг зоны колючка, а здесь всего лишь бордюр...

Машина плавно и мягко въехала на тротуар.

- Бонджорно, синьорина!!

- Здрасьте.

- Эскузи.² У нас в Италии дамы с такими ногами пешком не ходят. Садитесь, подвезём Вас.

- Спасибо, но я уже почти дошла. Мне вон - до Дворца культуры. Да и не Италия здесь...

1 Добрый день, девушка (итал.)

2 Извините (итал.)

- А впрочем... - добавила она, взглядевшись в лицо приглашающего.

Получив неожиданное согласие девушки, Артём вышел из машины и откинул спинку переднего сиденья, пропуская новую знакомую, слегка поддерживая её за локоть и помогая устроиться позади водителя.

- Мудрое решение. Удобно?

- Вполне. Спасибо. А я Вас знаю, - тут же сообщила девушка.

Артём удивленно обернулся. Молодое, красивое личико.. Хорошенькие карие глазки с аккуратно подкрашенными ресницами откровенно смотрели на него, ожидая ответной реакции.

- Мы что и, правда, где-то встречались?

- Да, в ресторане.

- Не может быть. Я в рестораны не хожу. Не люблю чужих пьяных лиц. Вы ошиблись.

- Я не могу ошибаться.

- Завидная уверенность. Ну, тогда Вы меня, наверное, с кем-то перепутали. А может, видели мою фотографию в «Комсомольской правде» - я там, в каске и с мастерком в руке? Передовик производства. Орденоносец.

- Да-а? И какой же у Вас орден?

- О-о-о... У меня их два: один - «Горбатого», а второй - «Сутулого».

Девушка рассмеялась.

- Нет, мы на самом деле в ресторане вместе были, в соседнем городе.

- Где-е?!

- Ну, «Старая площадь» ресторан, помните?!

Артём влоботорота заинтересованно посмотрел на девушку.

- Что-то припоминаю. Был такой вечер. Вы с подружками были?

- Конечно! Нас Шалва приглашал после полуфинала конкурса красоты!

- А-а! Ну, уж не обессудьте. Запомнил. Я ведь и, правда, в рестораны не ходок. Думал, Вы ошиблись. Sorry.

- Да нет проблем. Хотя и обидно немного, что не запомнили...

- Ещё раз сожалею. А с Вами ещё подружка такая беленькая и пушистая была, да? Шалвы протезе, по-моему?

- Конечно. Ася.

- Ася, говорите... Да-да, Ася. Та-а-а. Ну, а здесь-то Вы что делаете? Куда мы едем?

- А я на репетицию финала конкурса в ваш ДК. Ася-то не стала дальше участвовать. Её и так на телевидение взяли передачу вести. А я решила продолжить.

- Вы уж простите старика, Вас как зовут?

- Наташа. А вы - Артём, правильно?

- Правильно. Не забыли. А это - Андрей.

- Андрей - это я, - вставил, улыбнувшись, молчавший доселе водитель.

- Приятно познакомиться.

- Ага, во второй раз. Ладненько, Наташа, давай тебя до крыльца довезём. Надо же, такая встреча. Поехали, Молодой, чё стоим-то, - обратился он к водителю, слушающему беседу, приоткрыв рот. - Андрейку ещё Молодым дразнят, хотя, сама видишь, он уже давно не молодой. Растут детки. Как на дрожжах. Чем шире наши морды, тем плотнее наши ряды!

- Завязывай, - пробурчал Андрей, плавно трогая автомобиль.

Наташа откинулась на спинку сиденья и поправила волосы. Артём закурил, выдохнув в приоткрытое окно, запоздало спросил:

- Можно?

- Конечно. Ваша же машина.

- Да, и здоровье тоже моё. И что? Когда финал конкурса?

- Послезавтра.

- Готова?

- Готова.

- Ася, говоришь, отказалась?

- Ей не надо. Она теперь передачу ведёт - «Семейное счастье». Что-то про устройство интерьера в квартире. Да и экзамены у неё.

- Да-да, припоминаю. Иняз заканчивает?

- Да. «Красный» диплом хочет получить.

- Получится получить?

- Должно получиться. Шалва обещал помочь.

- А они что, так и встречаются?

- Да.
- Завидное постоянство. Симпатичная у тебя подружка. А телефон своей подружки дашь мне?

- Да она свой телефон не разрешает никому давать.

- А что так?

- Говорит, Шалва будет ругаться.

- Ах да, он же человек горячий. Мужики вообще собственники, а уж эти особенно. Ну, а всё-таки. Не может быть, что она такая боязливая, а уж ты тем более.

- Нет, Артём, меня Аська съест!

- Так. Значит ты трусиха! А мы ей ничего не скажем. У нас будет своя маленькая тайна. Ты ведь любишь тайны?

- Ну-у... Чужие! – улыбнулась Наташа.

- А знаешь, Наташа, я, когда в детский садик ходил, – это ещё до войны было, – мы там с девочками «секретики» делали: в землю под осколок стекла фантики от конфет прятали, сверху стекло присыпали землёй. Никому не видно, а ты знаешь, где он у тебя. Выйдешь на прогулку, позовёшь с собой подружку: «Пойдём, я тебе «секрет» покажу!». Разгребёшь аккуратно землю, а под стеклом фантик или золотинка. Красиво и очень тайно... Андрейка тоже наш секрет не выдаст. Андрейка – могила. Да, Андрейка?

- Конечно. Обещаю молчать, как рыба, – улыбнулся Андрейка, блеснув золотыми фиксами.

- Ну вот, видишь. Тем более я ведь не случайный пассажир. Мы можно сказать, почти родственники! Столько времени знакомы! Договорились?

- Ладно... Только про меня ни слова.

- Какой разговор! Ну и, свой, Наташа, тоже, хорошо? Может, выберемся куда-нибудь, победу твою в конкурсе отпразднуем, Бог даст. Скоро Пасха. Хочешь в церковь на полночный крестный ход? Была хоть раз?

- Нет.

- А зря. Это интересно. Асю с собой возьмём. Бога за победу благодарим.

- Она навряд ли согласится.

- Это почему?

- Из-за Шалвы.

- Э-э, слушай, какой такой Шалвамалва! Ася-джан, скажу, да, поехали! Мне отказывать нельзя? Обидеть хочешь, да?!

Все трое весело засмеялись.

Машина затормозила у входа в ДК. Ещё несколько минут из неё раздавался смех и музыка. Наконец, пассажирская дверь открылась. Со стороны это выглядело так: вышел стройный, коротко стриженный мужчина лет тридцати и подал руку изящной девушке с копной пышных темных волос.

Прохожие могли слышать:

- Извините за неудобства.

- Ничего. Спасибо большое.

- Давно Андрейке говорю поменять свою «Паджеру» на «Мерс». Не хочет.

- Пока, Наталья! – раздалось из машины.

- Пока, Андрей! Звоните!

- Удачи тебе, красавица!

- Спасибо!

Девушка махнула рукой, поправила на плече сумочку и стала быстро подниматься по ступеням парадного входа.

- «Ах, какие ножки, до чего хороши...», – напел Артём, усаживаясь в кресло джипа. – Ну, что? Понравилась девчонка?

- Неплохая.

- Тогда поехали!

- Куда?

- Куда! Домой меня вези. Буду Асе звонить... Надо же, так словиться. А ты говоришь, чудес не бывает... Ася-то и в самом деле ничего. В полном порядке девочка. Я и забыл об этом ужине, прикинь. В натуре, лох!

- Стареешь...

- Не говори. А я думаю, откуда она меня знает? Склероз, батенька! В моём возрасте все девушки начинают казаться хорошенкими и на одно лицо. Если, конечно, на лицо внимание ещё обращаешь...

* * *

В принципе, ему уже можно было уезжать из города. Всё, что следовало подготовить, он подготовил. Читинские знакомые его знакомого привезли две армейские «Мухи». Он сам ездил встречать их на вокзал. Маршрут «чурки» и место «исполнителя» были определены. С отходом всё отлажено и просчитано. На этом – хоп! Но он не спешил возвращаться в

столицу. Напротив, ждал приезда оттуда своих приятелей, решить заодно проблему по долгам одного из местных коммерсантов. Не велика сумма, но сам факт требовал внимания. Нельзя прощать в мелочах – обманут в крупном.

К тому же, Ася...

Он дозволился до неё в тот же вечер. Первый их диалог занял почти час...

Ужин в ресторане в кампании с Автандилом, Шалвой и тремя красивыми девушками он практически не вспоминал, – сколько было таких проходных встреч и ужинов. Ему не казалось странным, что лица Асиных подруг память не запечатлела. Слишком уж очаровательной ему показалась сама Ася.

За столом они сидели по разные от Шалвы стороны. Это немного мешало им разговаривать, обращаясь, друг к другу, они то и дело выглядывали из-за восседающего бонзой между ними грузина. Взаимный интерес возник спонтанно и совершенно необъяснимо. Понятно, чем такая внешне привлекательная девушка как Ася, вызывает обильное слюноотделение у мужской части человечества, но вот он сам... Чем он был обязан ответному интересу? Никогда не оценивал свои физические данные, по которым мужчинам замечают женщины достаточно высоко. Может он просто лучше, а главное интересней и умнее говорил? Пожалуй, дело обстояло именно так. Другого объяснения не было. Тем более что маломальский опыт всех предыдущих общений с прекрасной половиной общества говорил именно об этом. Все его пассии, с которым его время от времени сводила жизнь, отличались выдающимися внешними данными, были молоды, красивы и интересны в общении. «Других не держим!» – самодовольно отвечал он своим друзьям, интересовавшимся, откуда такая хорошенькая девушка появилась в его окружении...

Спустя месяцы, ужиная с Асиной мамой и самой Асей в ресторане «Трамп» у «Ленкома» («семейная» вечеринка!), он, слегка захмелев, говорил потенциальной теще:

«Знаете, что меня поразило в Вашей дочери больше всего, когда я впервые увидел её? Плечи. На ней было открытое черное платье, какого-то непонятного мне фасона. Тёмная ткань и удивительная белизна хрупких, я бы сказал – аристократических плеч, настолько изящных, что нестерпимо хотелось осторожно дотронуться до них кончиками пальцев или губами».

Прическа Аси – «каре» из светло-русых, чуть волнистых, мелированных по моде волос. «Блюдца» голубых, необыкновенной красоты глаз в венчике густых ресниц, тонкие пальцы, высокие, плотные груди, – всё это увиделось уже потом, после первого получаса разговора. «В начале были плечи...» Почти как в Библии. В общем, замечание, высказанное Шалве по поводу «отбить девушку» носило отнюдь неслучайный характер. Единственное, что Артёму не понравилось в ней – слишком явно выступающие следы косметики.

«Это можно простить русским девушкам», – помнится, съязвил он тогда сам себе. – «Поправимо. Зато она неплохо перепевает Хьюстон, – спасибо, Игорь, за «минусовку». Интересная девушка. Славная. Прямо клад! Голубая мечта нанайского мальчика...»

- Ася, а давай, хотя бы пообедаем вместе, а то по телефону уже две недели болтаем.

- Давай. А когда ты хочешь?

- А когда тебе удобно?

- Даже не знаю... Можно в субботу.

- Давай в субботу. Мне-то без разницы. Я ведь на пенсии.

- Как на пенсии?

- Не волнуйся, не по инвалидности. Я ведь артист цирка, а мы в тридцать пять на пенсию выходим.

- Артём!

- Шучу-шучу! Во сколько в субботу?

- В обед. Мы ведь обедать собрались, не ужинать.

- Значит, часика в два?

- А куда пойдём?

- Зачем «пойдём»? Поедем. Сюда.

- В ваш город? А Шалва?

- Да брось ты!

- Ага! Тебе легко говорить. Он меня и так достал со своими преследованиями. Ты же знаешь его характер.

- Знаю, знаю. Не волнуйся. Нормально всё будет. В субботу заеду где-нибудь около двух...

- Хорошо.

После развода с мужем Ася снимала комнату в центре города, неподалёку от университета. Как так случилось, что она вышла замуж на третьем курсе иняза, ей и самой казалось непонятным. Просто, видимо, устала ютиться в общежитии. После теплого, благополучного детства и отрочества приобрести вынужденную самостоятельность за сотню километров от мамы, папы и младшего братишки оказалось грустным. Первый год она ещё пыталась насладиться студенческой, взрослой жизнью, даже умудрилась познакомиться с достаточно взрослым мужчиной, следователем местной прокуратуры, который на время стал для неё ближе и родней, чем любимый плюшевый мишка, - такой же большой, теплый и мягкий. Эта первая взрослая любовь не скрывалась от родителей, несмотря на то, что мужчина этот был женат и, судя по намерениям, не имел видов на расторжение брака. Асе с ним было хорошо, она никогда и нисколько не жалела о пережитом. Потом, то ли поняв бесперспективность отношений, то ли устав от неопределённости, и ставя перед собой иные жизненные цели, она оставила его, пошла на курсы балльных танцев, чтобы заполнить свободные вечера, где и встретила своего будущего официального супруга. Юноша этот многим уступал следователю: был не столь представительен внешне, худощав и некачествен, вытянутое лицо и большие уши делали его похожим на принца Чарльза. Мама Аси была в недоумении от её выбора, пыталась образумить дочь: не хотела ни брака, ни свадьбы, но... Асе стало удобно ходить на лекции: квартира мужа, которую он делил с собственной матерью, была в двух шагах от универа. И это после надоевшего общежития! На свадебных фотографиях и видео Ася выглядела вполне счастливо, а её супруг - гордо. Свидетелям этого торжества казалось, что порхающая свежая фея попала в лапы серого паука - настолько они не сочетались, хоть он и был ненамного старше её. Даже свадебный вальс смотрелся как-то неестественно и кошунственно: мезальянс. «Где у дочи мозги? - вздыхала мама. - Зачем ей это на третьем курсе?». Спустя год Ася благополучно развелась, сохранив после развода на бывшего супруга обиду за невозвращенные деньги, которыми им помогли Асины родители в период присоединения комнаты на подселении к квартире мужа. Кроме этой обиды Ася больше ничего из брака не вынесла, разве что иммунитет к официальному оформлению отношений. Даже забеременеть не успела. И не хотела. Первая беременность пришла несколько позже, совершенно неожиданно, да и от кого(!). Автандилу она не смогла отказать, когда он после одной из рекламных фотосессий в возводимых им коттеджах, неожиданно прижал её к себе, стал целовать и возбужденно шарить руками по её телу, такому молодому и нежному. Она опешила от натиска немолодого грузина, но сопротивляться не решилась, держа в уме: «А что такого? Взрослые люди. Ничего страшного. Он вполне приятен. Пахнет дорого...». От Автандила она и забеременела. Это был шок! Институт не окончен, ничего нет, у Автандила семья. Первая беременность! Аборт?! Вопрос этот недолго мучил её...

А потом Автандил её познакомил с Шалвой. Первый раз они в ресторан поехали все вместе после полуфинальной части конкурса красоты. Автандил вместе с Шалвой выступали в роли спонсоров. А в ресторане, помнится этот молодой человек, знакомый Шалвы, к ним присоединился. Интересный такой, улыбочивый и не глупый. Тоже на нерусского похож. Всё сверкало крупным бриллиантом в платиновом кольце и шутил удачно. Теперь вот звонит.

- А, кстати, Артём, ты откуда мой номер телефона узнал?
- Шалва сказал.
- Артём! Я серьёзно!
- Так и я серьёзно, - ни одной эмоцией на лице, ни одной ноткой в голосе Артём не выдал скрытой шутки.
- Что? На самом деле?
- Ася, Вы кушайте, пожалуйста, не надо за обедом лишних вопросов, я Вас умоляю! Не делайте мне нервы. Можно таки заработать несварение желудка! - голосом старого одесского еврея ответил Артём и улыбнулся.
- Ты когда-нибудь серьёзно разговариваешь? - улыбнулась девушка в ответ.
- Конечно, деточка. Я, например, исключительно серьёз-

зен, когда говорю, что ты выглядишь просто потрясающе и что доселе мне не встречалось такое сочетание ума и красоты в одной, отдельно взятой личности.

- Лстец!
- Боже упаси! Не опускаюсь до дешёвых комплиментов по отношению к Вам. Сушая правда!
- Спасибо-спасибо. А телефон всё-таки откуда?
- А тебе что, не нравится со мной общаться?
- Допустим, нравится.
- Так допустим или нравится?
- Нравится.
- Тогда какая разница?

Не дожидаясь ответа, Артём чуть обернулся:

- Молодой человек! Можно вас? Вина, будьте добры.

Ресторан был вполне приличным, но дневная смена, видимо, состояла из неопытных официантов. Сомелье днём вообще не подразумевался.

- Извините! - официант тут же наполнил фужеры из бутылки, завернутой в накрахмаленную салфетку, и услужливо отошел в сторону.

- Давай, Ася, лучше по глоточку за нас!
- За нас вообще, или за нас в будущем?
- О-о-о! Это серьёзный вопрос. Не ожидал его услышать на этой стадии отношений. Вы считаете, что у нас есть будущее? Мы с вами, сеньорита, ещё даже не целовались...

- Ты же шутишь, почему бы и мне не пошутить. А за поцелуями дело не встанет.

- Оценил. Молодец! Но я на твой вопрос отвечу серьёзно. - Он внимательно смотрел Асе в глаза. Она ему нравилась. Своей молодостью, непосредственностью, умением шутить и способностью правильно воспринимать шутки. С ней было легко общаться. Он не стеснялся быть с ней откровенным. Самим собой. Именно этой откровенности, внутренним решением делиться собственными мыслями ему так не хватало в отношениях с женой. Ему нравился Асин смех. Она красиво и легко улыбалась. Глаза у неё были голубые, глубокие и чистые. Молодые глаза, задорные.

- Девочка моя! Я не люблю загадывать и говорить о перспективах. У меня в столице семья. «Хороший дом, хорошая жена. Что ещё нужно человеку, чтобы достойно встретить старость?». Я ответил тебе?

- Я не настаивала. - Ася опустила взгляд, как-то сникла плечами, как ему показалось, и слегка покраснела. Больше они никогда не говорили о сути своих отношений, ни прошлых, ни настоящих. Что касается будущего - только однажды, значительно позже. В другой жизни, в следующей, в их общей жизни...

- Может, как-нибудь заедешь ко мне в гости?
- Мне кажется, не стоит.
- Почему? Посмотришь, как я живу.
- Но ты ведь там не один.
- Если тебя беспокоит присутствие нового хозяина, то напрасно. Он дядька спокойный. В возрасте. Я его Николаевичем зову. На крайняк, с Натальей приезжай. Кстати, давайте на Пасху в церковь съездим! Ночью вернемся, посидим ещё. Как?

- А Андрей?
- Андрею надо дома спать. Привезёт, увезёт.
- А когда?
- Что когда? Пасха? Тебе не стыдно? Ты же православная.

Креста на тебе нет!

- Конечно, нет. Некрещеная я. Но ты прав, - славная.
- А-а-а... То-то я думаю, не бывает так, чтобы в одном человеке столько положительного, должен быть хоть один изъян! Вот оказывается, где «собака порылась»...

Им снова стало весело. Время текло незаметно, как принято говорить в таких случаях. Обстановка и хороший обед располагали. Артём очень дорожил таким общением на начальной стадии отношений. Он вообще любил процесс узнавания новых девушек, умилился их деланной недоступностью и мнимой невинностью. А этой в особенности. Она нравилась ему как-то по-другому. Что служило тому причиной, он сказать пока не мог. Да и не заморачивался этим вопросом. Просто любовался ею. И собою рядом с ней.

(продолжение следует)

Мария АТМАНИНА, г. Иркутск

Вечер за пять лет до миллениума

(продолжение, начало в №38)

Главное отличие человека от скотины – способность смотреть на небо. Сашка с глубокого детства, когда эпизоды телятятся в густом белесом тумане памяти, помнил дедовские слова: «Запомни, старая сибирская поговорка – свинья неба не видит! Обращаться же с человеком как со скотиной никому не позволяй!». Мерзкий ноябрьский дождь и правда норомил то и дело пробросить первые куски слипшихся снежинок. Они противно липли на ресницы и брови, заставляя думать, отчего в детстве снежинки были ровные и красивые, а сейчас почти всегда похожи на уродливую кучу шлака. Ноги сами вынесли из двора с помойкой на узкий тротуар с покорёженным сорок лет назад асфальтом, а затем – мимо вросших в землю низких домишек нахаловки в реликтовую рошу.

Почувствовав знакомый пряный запах огромной ели, что росла в яме на месте провала в земле, Сашка понял, что шансы успокоиться после ссоры с Оксанкой у него должны быть. Нужно просто побродить с часик или больше, пока весь барак не выпьет большую часть предназначенной для пятничного вечеринки водьяры и будет менее склонен обращать внимание на существование ещё кого-то на этаже. Однако очень холодный ветер и жёсткие струи дождя по незащищённой ничем голове внушали сомнения в правильности такой стратегии – а ну как придётся простыть, не надев свитер под куртку поверх рубахи? Но возвращаться слишком скоро было пока никак невозможно – как будто отрезало сейчас путь к этим ярким весёлым окнам, как будто кровавым светом сейчас они налились, неошутимым почти, но сигнализирующим о смерти у себя неминуемой, а не ясным обычным жёлтым, означающим тепло и уют. Или пережить, когда этот кошмар растворится в промозглой темноте – а вдруг этого не произойдёт? – или искать себе новое пристанище.

Квартал через трамвайную линию – там все хрущобы уже обросли массивными металлическими дверями, которые ни за что никто не откроет в непогоду и темноту, и не забудет захлопнуть – поэтому вариант с покурить и погреться в чужом подъезде отпадает сегодня. Ларьки же после одиннадцати уже все позакрывались, и надеяться на милость скачущих продавщиц не приходится. Ну, а частный сектор напротив сам сейчас представляет недюжинную опасность для прохожего. Остаётся только двинуть в противоположную сторону, откуда пришёл, и чуть взять в сторону – не больше нескольких минут, и вокзал в твоём распоряжении. Но только... машинально хлопнув себя по карманам, Сашка понял, что документы остались в барсетке, а без них и рассчитывать нечего на гостеприимство не только зала ожидания, но и самого привокзального района, то и дело прочёсываемого ментами... Подберут патрульные – делать план по нарушителям, и сядешь ни за что сначала на тридцать суток. Потом ещё неизвестно сколько продлевать будут твоё заточение, в протоколе каждый раз указывая, будто вёл ты себя аки Рэмбо и чудом не убил сотрудников при исполнении. И вызволять тебя из плена будет некому – кто ж знает о твоём задержании? А потом озабоченный сотрудник следствия предложит вежливо взять на себя некоторые глухари на районе, и в случае отказа в камере тебе устроят такие обстоятельства, что согласишься очень быстро на что угодно потом. Схема была известной столь хорошо, что вокзал пришлось исключить сразу. Может быть, попытаться обойти его и двинуть через старый мост, в центр города? Но сегодня ли смена в «Интуристе» у Николая, уставший мозг никак не мог припомнить.

«Последний дождь и первый снег» – всплыла в мозгу старая песня, и Сашка машинально подпел про себя – «И нет тебя, и слава Богу, что тут во тьме бреду без сна, и эта страшная дорога тебе никак не суждена». Потом сообразил, что эти слова уже никак не могут относиться к Оксанке, а значит, есть ещё кто-то, кому это может быть адресовано. «Полярное кольцо», стало быть? Значит, кольцо из адуляра, которое не досталось нынче той, для кого он на последние деньги днём купил его, может быть вообще не для неё уже? Это столь озадачило, что Сашка достал вещь из потайного

кармана куртки и взялся рассматривать на ладони, запалив другой рукой пламя зажигалки. Как будто вправду сделано из предрастветного тумана, когда ещё не все звёзды погасли на посветлевшем небосклоне, пришла усталая мысль. Снова лезть и распахивать куртку не хотелось, и для дальнейшего хранения красоты было проще сейчас использовать самый мелкий карман джинсов – тем более, что зажигалку надлежало убрать в её карман на ремне.

Какая всё же подлость, что из-за этой мерзкой непогоды сейчас нельзя посмотреть на небо – с грустью подумал Сашка и тихо вздохнул. Звёзды всегда действовали успокаивающе своим ровным светом и неизменным расположением сообразно времени года. И всегда вливали чёткую уверенность, что разные безобразия на земле однажды кончатся – и тогда можно будет смотреть на их сияние без боли и тоски. А сейчас непокрытую голову приходилось вжимать в плечи, чтоб сильные холодные струи не затекали за воротник. Патлы ещё не пропитались дождевым мороком, но чёлка уже подло съехала через лоб к переносице, угрожая прикрыть собой глаза, и молодой мужчина остановился.

И так уже впереди была густая темень роши – густые черёмуховые кусты хоть и стояли уже полмесяца голые, но сейчас надёжно преграждали собой всякий дальнейший путь. Сашка застыл в каком-то унылом оцепенении – дневная усталость навалилась вдруг неотвратимо и страшно, заставив кости рук и ног тихо заныть, безапелляционно заявляя хозяину, что не желают сейчас вовсе двигаться. Противный подлец голод вдруг возник опять в своём полном безобразии, заставив замереть, пережидая приступ тошноты и неслабого головокружения – отлично знал, что курить сейчас достаточно холодно, и это уже не поможет для борьбы с ним. Сашка вздохнул как можно глубже, инстинктивно прикрывая глаза – вот сейчас отпустит эта напасть, и посмотрим на часы, возможно, времени уже прошло достаточно, чтоб можно было вернуться или ещё что-то предпринять. Сестрёнкина фенечка снова вздрогнула под рукавом рубашки – будто хотела предупредить о том, насколько кислый выдался сегодня вечер. Удастся ли сейчас дойти до её общежития на этих подкашивающихся от дневной перегрузки ногах? Кажется, это самый подходящий был бы сейчас вариант... Да, если подняться на горку, к автобусной остановке, поздние маршрутки ещё должны ходить, они ещё ходят до часу ночи – правда, тогда завтра будет снова нечего обедать на рынке, но, может быть, молодая администраторша поможет, или удастся ещё как-то выкрутиться. Конечно, объясняться с вахтёршей – то ещё унижение, но похоже, сегодня это всё, на что можно рассчитывать. Потому что возвращаться и слушать ехидные смешочки всего барака и – что самое гнилое, самой Оксанки – уже никак не возможно сейчас. Да и от запаха их тушёной картошки с луком не только затошнит и согнёт пополам, но и к полуобморочному состоянию толкнёт сразу. А становиться столь беспомощным было не только противно, но и опасно, учитывая настроение тестя. Хотя... какой он мне тесть, а? Вот профессор с кафедры теоретической физики – тот был бы в этой роли великолепен, да вот только дочка его полностью сумасшедшая, увы.

Но двинуться к намеченной цели так и не пришлось. Перед глазами вспыхнуло белое пламя – это чем же отоварили по спине-то, цепом, что ли, или ещё какой самопальный кистень? – растерянно мелькнула грустная мысль, пока тело падало с высоты собственного роста на мокрые пожелтые листья. Крепкая подошва с каблуком плотно придавила шею, так, что шевелить головой стало невозможно. Прежде, чем тело сподобилось вернуть себе способность реагировать, сверху посыпались мощные удары, явно от ног, обутых в довольно крепкую обувь. Сколько минут это продолжалось – понять было невозможно, но с каждым новым таяла надежда на возможность после подняться. Что-то довольно ощутимо воткнулось в левый бок, на котором пришлось лежать – не то кусок коряги, не то острый булыжник. Из-за резкой боли ещё

и от этого невозможно было разобрать, о чём шушукуются напавшие – их явно было прилично, судя по количеству ударов, и они даже должны были в потёмках мешать друг другу забавляться...

Возможно, так оно и было – и оттого чужая нога наконец отпустила шею. Только для того, чтоб куртку взялись спорно расстёгивать и стаскивать прочь. Помешать этому было очень трудно, почти невозможно – так быстро это делали и так основательно проводили профилактику сопротивления ударами по рёбрам, животу и ещё ниже. Доставалось везде, но там было особенно болезненно. Промозглый холод угрожал заставить задрожать – ковер из мокрых листьев был уже вдосталь напитан влагой, которая резво взялась захватывать рубашку – убежать из барака в планы вовсе не входило, и свитер не был надет. Сашка инстинктивно рванулся в сторону, почувствовав, что ливень ударов стих – и руки нашли в темноте толстый ствол ветки с куста черёмухи... Несколько мгновений, которые достались ему из-за того, что куртка заинтересовала напавших, были использованы на полную катушку. Удалось, подтянувшись, встать на ноги – почти ровно. Глаза уже настроились на то, чтоб помочь своему хозяину спастись – и отметили, что тёмных силуэтов солидно, намного больше полудюжины. Каждый небезоружен, понятно, эти стаи молодых дятл отморозков обычно ни перед чем не останавливаются, тут и с оружием справится не каждый спецназовец, не вымотанный усталостью и голодом... Осторожно шагнул в сторону, получилось нащупать подошвой казачков посыпку тропинки в роще – похоже, с этого направления просто никто из врагов не зашёл ещё, слишком заняты разглядыванием добычи.

Звероподобный рёв кого-то из тех, что до сих пор имел человеческое обличье, отборным матом отметил этот манёвр, но, несмотря на боль почти во всём теле, реакция не подвела – и Сашка взял хороший темп, молясь про себя, чтоб нога не подвернулась на каком-нибудь мокром корне берёзы. Вопли неудовольствия и пожелания догнать и уничтожить довольно быстро остались за спиной, но всё-таки нога подвернулась уже на тротуарной колдобине, и падать на ладони было очень болезненно, особенно приложившись раненым в прошлом году коленом. Но здесь уже совсем близко был свет фонаря у трамвайной линии, и если поспешить с подъёмом, ах, чем же так врезали под правый бок – кованым носком, железной трубой или ещё чем? – то шансов выбраться будет больше, ведь на освещённой площадке нападают реже. Лишь бы успеть подняться прежде, чем эта стая догонит... Успел. Теперь – под гору, бегом по асфальту в ручьях, к вокзалу, вдоль пустующей проезжей части у стенки, отгораживающей тротуар на высоте. Если к этой стене прижмёт, всё будет напрасно, а за то, что посмел пытаться сбежать, забьют до смерти гарантированно. Или ещё что сделают в процессе, гораздо хуже – изуродованные тела неудачливых ночных прохожих поутру собирают патрули то и дело где попало. Просто здесь бежать безопаснее, хоть немного ровная поверхность и хорошо освещена, на тротуаре же подвернуть ногу и порвать связки – обычное дело. Подлый гравий, набросанный тут с весны, как хорошо, что сегодня я не в кроссовках, в них можно подскользнуться фатально, а от казачков он отскакивает. Всё, оторвался. Только эти несколько минут на дожде с ветром – дело дрянь, взмок полностью, завтра температура взлетит до 39, и как работать будем? И – где будем отлёживаться, интересно? Однажды попытались в родительской квартире – в результате сами не помним, как во дворе оказались на лавочке, и «скорая» подъехала отчего-то, верно, Александр Викторович? Вас же предупреждали тогда докторишки, что кровотечение может открыться, и нервничать нельзя. Попробуй не понервничать с мачехой и её сестрой и дочками – ангела из себя выведут и убивать заставят.

Как назло, ни одного таксиста у пригородных касс – куда они все запропастились, вроде ещё пара электричек должна была прийти с востока, отменили их, что ли? Запыхаться почти не пришлось, хотя то здесь, то там тело отзывалось сильной болью – до того её ещё не чувствовал... Оттого Сашка уже почти неспешно зашагал по ступеням вокзального крыльца – так это могло смотреться сейчас со стороны. Думать о том, что пришлось извоститься в грязи, не хотелось, да и саднящие руки струи дождя успели облизать. Но джинсы уже, похоже, намочили основательно, и мерзкая ледяная влага взялась просачиваться дальше – это было уже очень изнуряющее ощущение. Да и на лице образовались явно

какие-то нехорошие следы кое-где, это было тоже заметно и ощутимо. Однако даже мысли о том, что можно было бы вернуться туда, где явно дождалась Оксанка, не возникло – хотелось поскорее прижаться к тёплой батарее за спинками кресел для ожидающих электричку пассажиров и хоть немного спастись от этого всепроникающего холода. И пока больше ничего – наверное, стряхнули голову, ай, как скверно, очень знакомое оупение и неспособность думать о чём-то... А сколько же сейчас времени, отчего я не могу правильно поднять взгляд на табло под потолком? Аккуратно, этак ещё упасть доведётся, вот же несчастье. Голова всё-таки не поднималась, и Сашка почувствовал, что начинает трястись пусть мелкой, но неумолимой дрожью – батарея грела всё-таки не столь жарко, как было нужно, и кроме того, напряжение нервов и мышц решило в успокоившейся обстановке разрядиться. Всё это вместе всё же причиняло дикий дискомфорт, и захотелось тихо завывать.

Глаза упорно не хотели открываться полностью, как на холоде, и оттого шум прибывшей электрички, а после и сплошного потока приехавших пассажиров протекал как будто мимо сознания. То тут, то там начинала ныть тупая боль, заставляя чуть ёжиться, и лёгкие не тянули нужное количество кислорода. Сознание расплылось в какой-то белесый туман, и думать, как дальше быть, не получалось вообще. Было зябко, мерзко до тошноты – но шевельнуться не только конечностью, но даже мыслями не случалось вообще. В сущности, если бы не потребность греться, тело вполне могло перестать себя держать и рухнуть на пол – так уже бывало не раз после слишком тяжёлых нагрузок и голода, но обычно это бывало в более-менее безопасном месте, в каком-нибудь надёжном в данный момент жильё. Бороться с этой подло подкатившей перспективой не получалось, несмотря на все привычные в подобных случаях самоподстрекательства к активным действиям. Сашка надеялся, что его отпустит вот-вот, через ещё несколько минут, ещё, должно же отпустить, и скоро, чёрт побери! Почему этого до сих пор не произошло, а? Господи, ну помоги же мне, не справляюсь...

- Не дёргайся и пошли тихонько, понял? – прозвенел над ухом тихий тенор, полный металлических интонаций.

Прежде, чем получилось хоть как-то среагировать на эти слова, руки оказались оперативно заломлены за спину... Голову мотнуло чуть в сторону, и различить форму получилось – не охрана вокзала, совершенно обычные менты, и как же тихо подкрались, получается.

- Мужики, меня выхлопали, - голос сел до неприятного дребезжания, но хотя бы выговаривать слова аккуратно получалось вполне сносно. – Осторожнее, мне хорошо досталось.

- Это нас не касается, - тем же нехорошим голосом откликнулись за спиной, они что, ниже меня ростом, получается, мелочь деревенская? – Не будешь слушаться, достанется уже от нас.

Что за полудетские манеры, начала наконец вскипать внутри собственная сущность, неужели это тупые охотники за мясом, те самые, что ищут жертву для плановых задержаний? Под локтями больно прищемили знаменитые точки, от которых нервы протыкают больше плоть так, что белеет в глазах. Экая подлость, это наверняка такие, от них бесполезно ждать чего-то человеческого, и даже на небо посмотреть нельзя сейчас – сколько же суток мне теперь не видеть солнечного света вообще, а?

- Двигайся, амбал, разберёмся там уже, что к чему, - прошипел чей-то иной, надтреснутый голос.

- Отпустите, меня не за что задерживать, - с горечью выдохнул Сашка, понимая, что это бесполезно.

Вот так лексика, это же прямой намёк, что быстро предложат взять на себя серию грабежей и убийств. А уж как сделать, чтоб я не отказался, их учить не надо – эти печальные тезисы пронесли в мозгу очень быстро. И верно, чего им стесняться, разве кто-то видел, как меня задерживают, и сможет мне помочь? От этих уже не сбежишь, бесполезно, только давать им повод к настоящим репрессиям. Стоп, я идиот, они же искали меня – районные бандюки им же и сообщили, в какую сторону я рванул. Стало быть, конец – я напал на мирных гуляющих граждан, а не меня пытались прикончить. Ааах, уцелеть в чёрном ущелье, спастись всем взводом – только для того, чтоб сгинуть дома вот так? А кто же будет работать для Маськиной учёбы?

От осознания всего ожидающего впереди ужаса проснулся адский голод внутри, впился корявыми когтями куда-то глубоко внутрь, к солнечному сплетению. Сопротивляться сил не было – да и бесполезно это было вообще, но и трогаться с места, повинаясь, ноги тоже отказались. Сашка смог только чуть поднять голову вверх – хотя это и был жест отчаяния, но потребность обречённого на гибель шевельнуться таким образом природа ещё ни у кого не отнимала. Без документов, без поддержки извне, без надежды дать о себе знать – шансов выбраться из-за решётки фактически нет. Что же мы видим, пропадая, младший лейтенант, Ваша упрямая светлая чёлка так и ползёт на глаза, и мешает страшно? Унылый серый мрамор облицовки вокзальных стен, группа пожилых бурятов в отдалении с крупными баулами, какие-то кавказцы, что бодро движутся в сторону буфета, даже дачники уже успели полностью схлынуть, и ни одного шепотного пенсионера, который бы точно поглазел на происходящее с искренним интересом и смог бы потом вспомнить увиденное. Да, ещё одинокая девичья фигурка ближе к лестнице в тоннель прохода под путями к нужным платформам – тоже безнадежно, хоть и боком, но не смотрит даже в мою сторону, значит, не запомнит даже мельком этот эпизод. По спине знатно приложилась резиновая дубинка, и тело само грохнулось на колени.

- Мужики, не губите меня, не за что, - прохрипел Сашка, сисясь не подавиться новой болью окончательно. – Оставьте, добром прошу.

Над ухом раздался презрительный смешок, и боль в заломленных руках стала поистине нестерпимой – тело просто потащило в нужную палачам сторону. Из-за этого голову пришлось попросту уронить на грудь, да и смотреть было уже некуда из-за белесой пелены – может быть, удастся хотя бы отключиться, отсюда быть силам, чтоб выносить ещё и это истязание? Маська, сестрёнка, она же с ума будет сходить, когда окажется, что ждать уже некого, как же так, за что ей это всё?!

Чёрно-белые сполохи перед глазами, взрывы боли ещё очень мучительны, но как будто начинают стихать. Что вокруг и где это всё, пока неясно, но как будто просто приходится стоять на коленях. Вдохнуть, постараться вдохнуть поглубже – ага, получается, ну хоть немножко, чтоб уж совсем не заходиться в хрипе, уже лучше. Руки... висят по бокам беспомощно, так они не закованы ещё? Странно... Веки слиплись, но вот запах... о, это очень хорошая смесь, духи нежные и тонкие, но разогретые девчачьей шеей. Как будто голова и шея во власти совсем других рук, получается? Надо открыть глаза, это не дело.

С трудом разодрав ресницы, Сашка понял, что стоять неподвижно ему уже не мешают. Совсем рядом, с растревоженным тцанием перелуганной птицы на него смотрело незнакомое девичье лицо – обычная серая моль с тёмно-каштановой шевелюрой под французенку, ровные, не запоминающиеся черты, синие очи – ничего особенного и запоминающегося, но и уродства в себе не содержит. Наверное, моих лет или младше – но не больше четвертака, факт. От удивления глаза быстро обрели резкость, и уже не нужно было запоминать спины ментов, провожно скрывающихся уже где-то далече – мозг услужливо восстановил в памяти свирепые крики на высокой интонации визгливого женского голоса, обладательница которого явно была вне себя от гнева. Припомнились угрозы устроить беспредельщикам свидание с начальником ГУВД города совсем быстро, требования отпустить немедленно её парня... но ступор ещё не проходил. Незнакомка явно обрадовалась тому, что Сашка не только открыл глаза, но успел и с тихим восторгом ею залюбоваться, и придвинулась ещё ближе, обняв одной рукой его за плечи, а другой осторожной лаской ладони убирая упавшие на лицо пряди.

- Ты сможешь идти сам? – она говорила приятным тембром, совсем негромко, только так, чтоб её слышал только он, но явно была сильно встревожена. – У меня сил не хватит помогать тебе, встать сейчас можешь?

Сашка молча хлопнул ресницами в знак согласия – говорить он ещё не мог, с трудом пытаясь уверить себя, что ад крошечный отступил хоть ненамного.

- Вот и молодец, вставай осторожно, ладно? Всё будет

нормально, нам недалеко идти, доберёмся, - проворковала девушка, явно обрадовавшись этому ответу.

С третьего раза уже получилось легко, без перебоев в дыхании, но Сашка инстинктивно обнял за талию даму – она даже не отстранилась при этом движении, спокойно позволив себе сделать то же самое. Сама она была не очень высокого роста – если бы захотела спрятать лицо на груди, то чёлка бы оказалась как раз под подбородком.

- Тебе же холодно будет, - рассудительно заметила незнакомка, не без нежности проведя ладонями по спине – Сашка даже чуть опустил ресницы от неги. – Давай-ка свитер натянем сейчас, ладно? – оставалось только снова молча согласиться глазами, и сумочка через плечо теперь стала заметна – девушка проворно вытаскивала теперь оттуда запактованный в глянцевый целлофан свёрток.

Наверное, дрожать над батареей и прижиматься к ней имело всё же смысл – хотя рубаха и не высохла полностью, влага с неё вовсе не сочилась, да и цвет ткани уже не был потемневшим. А оттого пушистый мохеровый свитер, в котором чуток даже пришлось утонуть, пришёлся не просто как нельзя кстати, но и вовсе оказался даром Господним. Наверное, глаза ярко блеснули при этом от удовольствия – дама уставилась на побитое лицо с ещё более пристальным интересом.

- Эге, тебе сильно досталось, - проворчала она уже недовольно-озабоченно, - этак следы отпечатаются уже сейчас. Ну-ка, присядь пока в кресло, я попробую купировать это.

Спину и бока сильно заломило, колени громко хрустнули, пока Сашка располагал ватное внутри тело на сиденье зала ожидания, и даже подкатил мерзкий вал тошноты, который еле удалось унять резкими вздохами. Тем временем девушка уже закончила какую-то возню в недрах сумочки. По задубевшей сперва от дождевых струй, потом от липкого пота коже осторожно и аккуратно прошёлся ватный тампон, наполняя поры приятным свежим холодком. Там, где плоть уже начинала гореть, дабы налиться через часик тёмными синяками, незнакомая вежливая жидкость с тихим ментоловым ароматом задерживалась больше и дольше, кое-где испаряясь, и тогда целительница накладывала ещё один слой микстуры. Меновазин, догадался про себя какой-то уровень соображаловки, вот уж чего не доводилось встречать в дамских ридикюлях обычно, если только их владелица не работает в аптеке. Как же вовремя, этак к утру вполне можно будет встать не только без следов, но и без отёков, разве что чуток будет побаливать изнутри, но без изнуряющего нытья. Встать утром и забрать к чёрту рюкзак из барака, без всяких объяснений с Оксанкой вообще – как было бы здорово... Ох, и где же мне доведётся теперь встретить утро? Да плевать, где, главное, что не в камере после пыток на решётке в наручниках, и не под бетонным забором в полностью неподвижном состоянии уже.

- Ты голоден, да? – прошелестело тем временем над ухом ангельской музыкой, даже не дожидаясь ответа. – Может, конфету пока съешь?

Как назло, тело опять взбунтовалось и промычало в ответ нечленораздельно-утвердительный звук. В результате раздался хруст фантика и фольги, и в зоне прямой видимости возникло обещанное, да вовсе и не карамелька... «Хершиз» с кокосом, батон шоколада, который даже Маське доставался в те редкие дни, когда можно было потратить малость денег на удовольствия, и оттого подлежал табу для её старшего брата. Идите все к чёрту со своими «Мишками на севере», от которых за версту несёт штабным гнильём и душком интуристовских подлипал – чудеса бывают! – и даже тихий смех, сопровождавший уничтожение вкуснятины, слушать было неимоверно приятно.

- Спасибо, - промямлил после Сашка, чувствуя, что краснеет от неловкости за свой порыв. – Кажется, я просто сутки не ел, извини.

- Ну, так тем более нужно было так, - рассудительно заметила девушка. – Должно быть уже получше, может, пойдём тогда отсюда?

- Да, конечно, - бесцветным ещё, но почтительно-вежливым тоном произнёс Сашка и сделал вполне удачную попытку поднять на ноги. – С тобой я пойду, vedi.

Мария КИРИЛЛОВА, г. Ангарск

Дотронься до небес

Лодка

На ладонях капли моря,
Крики чаек за спиной...
Лодка шла, с ветрами споря,
Обнаженная волной...

И плыла на синем поле,
Одуванчиком кружась,
Ей мечталось так о воле!
И мечта её сбылась!

Не боялась шума ветра
И потока буйных рек.
В небо бережного цвета
Устремила свой побег...

Липкий мёд на руках моих –
Это память о нас двоих...
Нашей пасеки нет давно,
Мне бы пчёлкой лететь в окно...

Не забыть

Не забыть и не сокрыться,
Мой любимый и родной...
В платье шёлковом из листьев
Я – береза под луной.

...Заметала вьюга снежно,
Обнимала, как сестра,
И качала ветви нежно,
Словно малое дитя...

Но ничто уж не спасало,
И тревог мне не унять,
Опоздала, опоздала
«Я люблю» тебе сказать...

В ночи

Иду одна в ночи прохладной,
Мне губы лижет воздух мятный,
Крадётся мягко меж окон...
Луна цепляет, словно сон...
То вверх, то вниз. И снова рядом.
И тень моя - моя награда...
Пусть накрывает всё туманом!
А я вернусь - за хулиганом!

А дождь идёт по улицам,
стучит, стучит...
И свет от фонарей дрожит в окне,
Во мне...
Я так хочу бродить по лужицам
Молчи... Молчи...
Пусть тайна затаится в тишине...

Два города, два человека,
И нам друг к другу бы прийти.
Боюсь, обманут нас дороги,
Молюсь: не сбиться бы с пути...

Меняют планы километры,
Уводят вдаль от нас мечты,
Но сердце пусть тебе подскажет!
Проси любви и доброты!

Вчера я не пришла
На завтра не успела...
Работа, суета.
Вот в этом все и дело...
Холодный коридор
Тонул под тенью красок.
Так холодно, темно,
Не видно детских глазок...

А где игрушка кенгуру?
Пылится в маленьком углу...

Волны бежали одна за другой
Словно могучая тройка коней...
Брызги летели... И ветер морской
Сил придавал на забег все мощней...

Белое и черное, зерна добра или зла...
Кто я? Кто я в этой вечной дуэли?
И в тебе, и во мне две половины зерна.
А ты поливай меня добром!

Мне было хорошо и весело,
С тобою, милый друг.
Днем солнце ловко куролесило,
Лелея всех вокруг!

Нам было хорошо и весело.
Ты вспомни солнца путь!
И лето краской начудесило,
Чтоб душу небу распахнуть!

Мне было хорошо и весело
С тобою, милый друг,
И радость сердце взвесило,
Чтоб не было разлук!

Так хочется посмотреть на небо,
Когда безмятежно веришь в добро!
И сотни, тысячи, миллионы звёзд
Слагают пазлы слов: «Мир-любовь»!

В нежно-нежно синем свете,
В лёгкой дымке серебра,
Пробудились на рассвете
Перьевые облака...

Тают звуки

В синем небе тают звуки,
Нежно шёпотом касаясь,
Словно крылья, наши руки,
И мы, словно растворяясь,
То молчим, касаясь губ...
То сбежим, как капли с труб...
«За тобой пойду», - шепну я,
Холод ночи обману я.

Взгляни на небо

Взгляни на небо,
Дотронься до небес...
И где бы ты ни был,
Все тайны под занавеской...
Пылью звёздной сокрыты...

Село Александровское в моей судьбе

Когда я окончила школу и поступила в университет, мама рассказала мне историю своей жизни. Она и раньше много и интересно рассказывала. Жизнь наших родителей, переживших революцию, тяжелые годы сталинских репрессий, индустриализацию и Великую Отечественную войну, удивительна насыщенностью событиями, переживаниями – что ни судьба, то готовый роман. Но когда мама выстроила все по порядку, связав воедино события, у меня просто дух захватило – это была живая история. Вот тогда-то и возникло огромное желание написать об Александровском. Долго же я собиралась...

Первый абзац я все-таки тогда написала: «В годы маминго детства село Александровское было дальше от Иркутска, чем теперь. Чтобы добраться до него на телеге, требовалось два дня. Ночевали в селе Московщина, что находится примерно на середине пути между Александровским и Иркутском. Некоторые, наиболее лихие ездоки «ходили напроход», то есть выезжали из села рано утром, только засветлеет, и к вечеру добирались до Иркутска».

Исторические хроники говорят, что село Александровское было основано в 1787-м году пришедшим в эти края отрядом казаков. Вероятно, с этим отрядом пришел и далекий мой прапрадед, потому что мама говорила, что прапрадеды наши жили в селе с самого его основания. Село раскинулось среди пологих холмов, довольно далеко от реки Ангары. Между тем, место выбрано не случайно: у подножья одного из холмов бьют из земли ключи,

вернее не бьют, а истекают. А вода в этих ключах не обычная, а самая настоящая – живая, она постоянной температуры зимой и летом и, видимо, проходит через породы, содержащие серебро, потому что обладает бактерицидными свойствами. Эти свойства использовали жители села для консервации овощей. Мама говорила, что непосредственно под ключами были вырыты небольшие бассейны, в которых хранили свежие овощи, и в них огурцы оставались вкусными, свежими и хрустящими почти до Нового года. К сожалению, все глаголы следует поставить в прошедшем времени. Ключей тех давно нет. Уже в 70-х годах прошлого века ключи эти были завалены грязью, мусором; никто не следил за ними, не чистил, не поддерживал, и уникальный дар природы ушел от людей.

В начале XIX века село быстро разрасталось, земли вокруг было много, крестьяне получали довольно высокие урожаи, но не потому, что использовали какие-то передовые методы сельского хозяйства, а потому что было много пахотной земли и много работали. Излишки зерновых натолкнули на мысль использовать их в производстве алкогольной продукции, и весной 1820 года в селе был построен винокурный завод во славу царя Александра I. Собственно, тогда село и получило имя Александровское и в летописях стало именоваться даже не селом, а именно заводом. И тут на приятную картину красивого и богатого села ложатся темные краски. Производство было организовано «весьма дурно» и не рационально. В качестве рабочих использовались каторжники, никто не заботился об условиях труда. Приехавший с инспекцией в 30-х годах генерал-губернатор Восточной Сибири С. Б. Броневский был потрясен положением рабочих и в своих мемуарах

писал: «Положение рабочих... оказалось самое печальное. Они находились денно и ночно у огня и лохмотья свои обожгли, босы и полунаги; артели никакой, где бы готовилась пища, и никакого жилища для них не устроено, куда, правда, и достигнуть невозможно нагу и босу по трескучему морозу. Они, отбыв свою смену, заливали свое горе водкою, которую по тамошнему заведению дарит им винокур, и, оглодав кусок хлеба, утомленные бросались тут же в виннице, у огня, предаваясь сну... Ручаюсь, что никто без содрогания не может смотреть на эти страшилища! Закоптелые остатки образа человеческого, прикрытые кое-где рубищем; всклокоченные волосы и ужасающие глаза испитого, дикообразного преступника вызывают к состраданию. По новости моей, меня поразили вид этих несчастных». Не думаю, что генерал-губернатор был склонен к преувеличениям и мифотворчеству. Скорее всего, так оно и было, и это, конечно, ужасно.

Подробное описание технологического процесса, экономических и человеческого перипетий Александровского винокурного завода можно прочесть в научном труде Иркутского историка Гарщенко А.Н. «Александровский завод – Александровское селение». В конце XIX века винокурный завод закрылся, его место заняла тюрьма – знаменитый Александровский централ, даже песню об этом сложили:

*Далеко, в стране Иркутской,
Среди гор и крутых скал,
Огражден стеной высокой
Александровский централ...*

И хотя крутых скал в окрестностях Александровского нет, песня эта – очень знаковая и, вообще, душевная и «правильная».

А я возвращаюсь к событиям и воспоминаниям моих родных... Впервые моя мама, Валентина, попала в Александровское, когда ей было четыре года – родители привезли ее на лето к бабушке, и впечатления от этой поездки остались у нее на всю жизнь. Бабушка и дед брали ее с собой на заимку. Маленькой Вале казалось, что ехать туда было довольно далеко, хотя, скорее всего это было не так. На заимке стоял небольшой домик, и, уезжая, в нем всегда оставляли еду: сухари, картошку, воду, а иногда и суп. Валушка спрашивала: «Зачем?», а ей говорили: «Для беглых». Атмосфера каторжной Сибири глубоко проникала в сознание и быт обычных вольных крестьян. Воображение ребенка рисовало страшные и волнующие сюжеты, как темной ночью пробираются эти таинственные беглые по дремучим лесам и болотам, приходят на заимку, за-

глядывают в окошки... Душа трепетала от страха, и было ужасно интересно. И когда спуска несколько дней снова приезжали на заимку, Валя первым делом бежала посмотреть, остались ли продукты. Чаще всего, они были не тронуты, но иногда видно было, что ими воспользовались, вот тогда ей становилось по-настоящему страшно – картины, которые рисовало воображение, становились реальными фактами.

Сейчас я хочу вернуться чуть-чуть назад, в тот год, когда у крестьянина Константина Подкаменного, мамино деда (а моего прадеда) родилась дочка Татьяна. Я уже писала, что Александровское было благополучным селом, где для каждого находились и работа, и надел земли, а дальше все зависело от человека. Прадед мой – хорошей казацкой закваски, тоже был умелым и сильным человеком, все у него в руках спорилось, и хлеб растить, и на охоту ходить, и skóry выделывать – все он умел. Один недостаток был у Константина – иногда уходил он в «запой». И как человек бесшабашный, лихой, увлекающийся, предавался этому занятию со всей страстью: сначала он пропивал лошадей, затем корову, потом гусей и индюков, и наконец, посуду и занавески. Очнувшись в опустошенном доме, дед чесал затылок, искренне каялся перед бабушкой, принимался за работу, и вскоре дома все появлялось: сначала посуда и занавески, потом гуси и индюки, затем корова и лошадка. Семья снова приобретала статус благополучной и обеспеченной. А потом все повторялось (когда мама рассказала мне это, меня больше всего удивило, что просто хорошо работая, можно так быстро выскочить из бедности и попасть в категорию людей обеспеченных! Попробуйте это сделать сейчас!). В тот день, когда у него родилась дочка Таня, Константин сказал: «Все. Больше не пью». И больше не пил. Опять же удивительный для нас момент: не потребовалось ему ни бежать на прием к психологу, ни таблеток пить, ни кодироваться, – просто появилось у него намерение, и он его осуществил. Танюшка росла веселой смысленной девочкой, отец в ней души не чаял и, конечно, ужасно ее избаловал. Всему эта девочка обучалась легко и охотно, кроме одного: Танюшка совсем не хотела учиться, она придумывала разные причины, чтобы не ходить в школу, чаще всего «у нее болела голова». И папа решил, что не следует «мучить ребенка» и разрешил Танюшке не ходить в школу. Так девочка и осталась с незаконченной начальной школой. И напрасно – школа в Александровском была очень хорошая. Троюродная сестра Капитолина, успешно закончив эту сельскую школу, легко поступила в Иркутский медицинский университет, в 30-е годы работала главным гинекологом в Иркутском роддоме.

Когда Татьяна исполнилось 17 лет, ей захотелось чего-то необыкновенного, в родном селе ей стало тесно, и она решила отправиться в Иркутск, в поисках счастливой доли. Родители, разумеется, были против, но у Татьяны уже сформировался характер – решительный и сво-

бодолубивый. И вот открывается следующая страница – начинается сказка про Золушку. Сначала, как и положено, жизнь надавала ей туманов: тяжелая работа, безденежье, неудачная «любовь», предательство, отчаяние. Можно, конечно, было вернуться в Александровское, но не позволяло самолюбие. Кто-то из подружек сказал ей, что в конторе Иркутского пароходства можно устроиться посудомойкой на пароход, который ходит по Лене от Усть-Кута до Якутска. И Татьяна совершает еще один решительный шаг – нанимается кухонной прислугой на пароход и в компании совершенно незнакомых людей трое суток добирается на телеге до Усть-Кута. И вот пароход дал последний гудок, и зашлепал по красавицереке, позади остались обида и боль, и пыльный Иркутск, но пароход плывет на восток, навстречу утренней заре, и от этого на душе радостно и легко. У Тани – полно работы, но она девушка шустрая и все успевает. Начальство довольно ею, пассажиры улыбаются, а молодой симпатичный офицер оказывает ей знаки внимания. Он пытается взять ее руку, заглядывает ей в глаза, говорит какие-то нежные слова, но девушка отвечает ему холодно и жестко – у нее уже есть горький опыт, и она знает цену этим любезностям. Они уже подъезжали к Якутску, когда молодой человек сказал ей: «Татьяна, выходи за меня замуж!». Татьяна строго взглянула на него и ответила: «Если через Святую церковь, то я согласна».

На пристани в Якутске офицер (теперь уже можно сказать, как звали моего деда – Георгием Бормалевым), взял с собой двух товарищей, и вся компания отправилась на тройке в ближайшую церковь. Когда, спустя месяц, Татьяна возвращалась на пароходе в Иркутск, она была уже не посудомойкой, а барыня, офицерская жена и с гордо поднятой головой вживалась в свою новую роль.

В конце 1910 года родилась моя мамочка. Роды были очень тяжелыми, три дня мучилась Татьяна, и врач предложил сделать операцию, при которой вряд ли было возможно сохранить жизнь ребенку, но можно было спасти хотя бы роженца. Но Татьяна категорически отказалась, сказала: «Или мы вместе умрем, или вместе будем жить». На третий день старая акушерка ей сказала, что знает один заповедный прием, который, может быть, поможет родить ребенка, но «больше родить уже никогда не сможешь». И бабушка моя решила: «Давай!». Я вот сколько живу, никогда о таком не слышала. Тем не менее, акушерка где-то надавила, где-то потянула, и на свет Божий появилась малышка, до того измученная, что не могла даже плакать.

А потом была обычная жизнь семьи офицера: разные города, гарнизоны, общество офицерских жен, в котором наша бабушка чувствовала себя вполне комфортно и уверенно.

Октябрьская революция застала семью в Красноярске. Разразившаяся вслед за этим Гражданская война поставила Георгия перед тяжелым выбором: «Я не могу стрелять в свой народ и в своих товари-

щей». Бабушка предложила единственно разумный в такой ситуации выход – бежать за границу, в Харбин, в эмиграцию. Но офицер Бормалев не мог согласиться и с этим: «Как, в такой страшный для России час – бежать за границу?». Он и этого не мог себе позволить. Господь пожалел его, видимо... Черный ангел носился тогда над землей – эпидемия тифа тысячами выкашивала людей. Бабушка повезла умирающего мужа в Александровское, она надеялась, что дома сможет вылечить его и уберечь от войны. Но здесь чуда не случилось, Георгий умер, не прожив в Александровском и трех дней, и был похоронен на Александровском кладбище.

Когда в 1970-м году мы приехали в село с целью исторического экскурса и поиска семейных корней, мы искали могилу деда. Мама, которой было тогда 8 лет, смутно помнила место, но хорошо помнила, какой вид с этого места открывался. Могилы мы не нашли. Кладбище выглядело заброшенным и убогим.

А тогда, в далеком 1918-м, моя мамочка вместе с бабушкой Таней так и остались в Александровском. Я уже не помню сейчас по какой причине, но родителей Татьяны уже не было на свете, и бабушку Таню, молодую вдову взяла к себе в дом троюродная тетка. Тетка была из тех женщин, воспитанных когда-то Некрасовым, которые «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Она управляла большим семейством, и на всех у нее хватало души и тепла. Восьмилетняя Валя заново познакомилась с Александровским и не понимала, почему все стало как-то не так. В Иркутске, в Красноярске шли бои, кипели революционные страсти, все большие массы народа вовлекались в водоворот революционных событий, а здесь в Александровском было тихо – никто не стрелял, не митинговал, но и здесь чувствовалась тревожное ожидание каких-то глобальных перемен, настороженность и непонимание, что будет дальше.

Во всех исторических документах и описаниях Александровское предстает местом суровым и угрюмым, а в воспоминаниях девочки Вали – это самое уютное, теплое, солнечное и безопасное место на Земле. Пусть останется где-нибудь в пространных образцах Земли нашей и такое Александровское; огороды уходили вверх по пологому склону и кончались земляничными полянами. Мама и четверюродный брат Федюшка, выполняя поручение родителей, в бешеном темпе пропалывали свои грядки, стараясь первыми добраться до земляники и собрать ее сначала с соседской территории.

В конце улицы, которая называлась не слишком оригинально – Большая, был небольшой парк с прудом, по которому плавали лодки, играл военный оркестр, прогуливались парочки, и от этого действительно веяло атмосферой старинного тихого русского городка. ... А еще бабушка и тетка, да и другие женщины пекли вкуснейшие пирожки с картошкой, капустой, грибами, а больше всего с ягодами. Ягоды в окрестных лесах было много, ее запасали на зиму и хранили в деревян-

ных бочках на чердаках. Особенно много стряпали на праздник и всегда выносили короб с пирогами за ворота. А потом солдаты из острожной охраны шли по селу и собирали эти короба с гостинцами для заключенных, чтобы у них тоже был «пир горой».

И эта глубинная душевность и сострадание были естественными для жителей села. Никто не думал о вине этих несчастных перед людьми или государством – человек, закованный в кандалы, вызывал к состраданию.

В конце 1919 года в Александровское пришла Советская власть. Ее представителем был комиссар Никифоров, очень молодой и хороший человек, из тех романтиков, которые действительно мечтали о светлом будущем для всех. Он вдохновенно рассказывал о том, какая счастливая жизнь ждет всех трудящихся, о том, что не будет бедных и богатых, и все дети смогут получить образование и равные возможности. Старики посмеивались, качали головами, но Никифоров нравился им, и они поговаривали: «Если все большевики – такие, как Никифоров, то, пожалуй, Советская власть – это неплохо».

В это время в Иркутской губернии действовали, как тогда говорили, белогвардейские банды. Остатки разбитой Белой Армии объединялись в отряды и не теряли надежды восстановить погибшую империю, а, может быть, это просто было последнее отчаянное сопротивление. Командиром одной из банд, действующих в окрестностях, был офицер Алексей Зверев, уроженец Александровского. В селе, в 2-х этажном доме на улице Большой, почти напротив теткиного, жили его отец и жена. Противостояние, конечно, было жестким – Никифоров с отрядом красноармейцев несколько раз выезжал на поиски и поимку банды, но Зверев всегда уходил. Никифорову было также известно, что Зверев время от времени бывал в Александровском, навещая своих родных. Иногда ему даже доносили, что видели, как Алексей поздним вечером тайно пробирался в дом. Но облавы не приносили успеха, и на вопросы «Где Зверев?» отец и жена отвечали, естественно, что не знают и не видели его в течение долгого времени. Самый тщательный обыск дома и надворных построек ничего не давал. Загадочная ситуация эта становилась нестерпимой. И все-таки кто-то донес Никифорову, что тайна открывается просто: в комнате есть лаз в небольшое подполье, и открывается он на пятой от входа половице. И в очередной раз, когда разведка донесла, что видели пробирающегося к дому Зверева, Никифоров с отрядом пошел на поимку уже наверняка. Он выставил у дома засаду, а сам с двумя бойцами вошел внутрь. На традиционный вопрос «Где?» был получен традиционный ответ. Тогда комиссар многозначительно посмотрел на женщину, отчитал пятую половицу и скомандовал бойцам: «Поднимайте!» В этот самый момент жена (ее тоже звали Валентина) быстрым движением разбивает лампу, и в комнате воцаряется темнота. Грохот, крики, выстрелы – Алексей

был ловким человеком, он успел убить одного из бойцов и ранить Никифорова, а сам скрылся через балконную дверь. Никифорову показалось, что тот выпрыгнул со второго этажа, и он выскочил вслед за ним, забыв о том, что дал приказ бойцам, сидящим в засаде, стрелять на поражение во всякого, кто попытается бежать из дома. Комиссар был убит своими же бойцами.

Когда началась стрельба, моя мама с Федюшкой и другими ребятишками играли на крыльце своего дома, который был совсем недалеко от места событий. Испуганная тетка тотчас загнала детей домой. «Я сидела на полу около двери и прислушивалась к звукам, доносящимся с улицы, – рассказывала мама, – никогда в жизни мне не было так жутко: стреляют ... Стреляют в живых людей!».

Никифорова хоронили в Иркутске. Жители Александровского искренне жалели молодого комиссара. Гроб с его телом несли на руках серьезные александровские мужики, траурная процессия протянулась чуть ни на километр по лесной дороге, выходящей из села.

Самому Звереву удалось бежать, но в селе остались его ближайшие родственники. Они, конечно, сразу же были арестованы. Выездной суд Иркутска приговорил обоих к расстрелу. Жители села отправили Ленину письмо с просьбой о помиловании. Старика Зверева в селе уважали, жену по-человечески понимали. Письмо это ходило в Москву долго, и когда Ленин, якобы, подписал прошение, заложники были уже расстреляны. Вот так закончилась эта история...

В 1970-м году мы троём с мамой и Ниной, моей пятилетней сестрой, внучкой тетки Елизаветы, приехали в Александровское, нашли тот старый дом, в котором жило большое семейство под водительством тетки Елизаветы. Дом был частично перестроен, и жили там другие, совершенно неизвестные люди, никак не связанные с историей нашей семьи. «А помните ли тех, этих?». Никого они не помнили. Потом как-то всплыло имя бабы Леры, которая когда-то жила в этом доме, а сейчас живет с подругой, еще более старой бабушкой ... и нам назвали адрес. «А сколько лет бабе Лере?» «Да, где-то больше 60-ти». Мамочка моя оживилась: «Это она. Пойдемте искать». «Это, наверное, та самая Лера, не родственница нам... Помнишь, я рассказывала тебе самую загадочную историю, которая была в моей жизни?».

Да, я помню эту историю. Ее можно было бы поместить в список загадочных явлений, которые невозможно объяснить ни с научной точки зрения, ни даже с использованием «продвинутых» представлений о телепатии, торсионных полях и прочей «псевдонаучной» атрибутики. Тогда, в начале 20-х годов в село приехала молодая женщина с двенадцатилетней дочкой, никого у нее в Александровском не было, жить тоже было негде, тетка Елизавета взяла ее в дом квартиранткой и поселила в отдельной маленькой комна-

те, дверь в которую открывалась прямо с веранды. Женщина, ее звали Капитолина, особой благодарности к приютившим ее людям не испытывала, держалась дерзко и высокомерно и вступала в разговор только в случае крайней необходимости. Она была грамотной и легко устроилась на работу в контору. Видимо, это обстоятельство позволяло ей чувствовать себя на голову выше окружающих ее людей. Капитолина каждый день нещадно колотила свою дочку за какие-то неведомые прегрешения. Мама говорила, что дочка ее, Лера, была ребенком тихим, послушным и умным. С хозяйскими детьми Лере было запрещено водиться: то ли по причине беспричинного высокомерия, то ли мать опасалась разглашения какой-то семейной тайны. Ну, не важно ...

Однажды поздним осенним вечером все семейство сидело за большим столом на веранде и мирно ужинало. Ужины у них были длинные – здесь обсуждались насущные проблемы, события прошедшего дня, и строились планы на день завтрашний. В какой-то момент отворилась входная дверь, и вошла Капитолина, привычным движением она отряхнула грязь с сапог, стряхнула плащ, и маме почему-то запомнилось, как сверкнули капли воды в тусклой полоске света, падающего из окна. Капитолина, как всегда, гордо прошла мимо домочадцев и скрылась в своей комнате. Через некоторое время Федюшка заметил: «Странно, Капитолина вернулась домой, а Лера не кричит!». Действительно, это было странно – квартирантка обычно сразу же начинала тузить дочь, а та, естественно, – орать. Все участники вечерней трапезы с недоумением переглянулись: «Что это с ней?», а самый неугомонный Федюшка встал и тихонько постучал в дверь. Лера открыла: «Что тебе?». «А где мать?» – спросил удивленный Федя. «Мама еще не пришла», – был ему ответ. Вся компания дружно открыла рты: «Как не пришла?». Прошло еще некоторое время, снова открылась входная дверь, и вошла Капитолина, она привычным движением отряхнула грязь с сапог, стряхнула плащ и гордо прошествовала мимо обалдевшей публики. Через минуту из комнаты послышались ее брань и вопли Леры. «Что это было?!» – этот вопрос задавали себе и друг другу все собравшиеся в тот вечер за ужином, но ответа на него не было.

Итак, мы отправились искать Леру и мы ее нашли: она жила на краю села со своей подругой, бабой Маней, которая была лет на десять старше ее. Лера оказалась высокой истройной бабушкой с хорошим лицом и без всякого высокомерия. Она сразу же вспомнила мою маму. Сказать, что узнала, я думаю, невозможно – ведь она не видела ее почти полвека. Тем не менее, она обрадовалась нам, как родным, пригласила в дом и на ночевку.

В разговоре мы сразу обозначили, что интересуемся историей Александровского, а баба Маня оказалась азартной рассказчицей. Чтобы отделить, где в этих рассказах правда, а где вымысел, надо погружаться в архивные глубины.

Начали с декабристов, бабе Мане было что рассказать о них. Вообще-то декабристы на поселении в Александровском не жили. Был очень короткий период их пребывания в Александровском в 1826-м году (сразу же после прибытия в Сибирь), когда иркутский губернатор Горлов, желая сделать им приятное, отпустил нескольких опальных дворян в Александровское практически как на дачу. Но вскоре пришло грозное распоряжение от Николая I, по которому всех вернули в Иркутск и перенаправили уже в Нерченские рудники, где была настоящая лютая каторга. Но в 19-ти км от Александровского есть старинное село Олонки, и там жил на поселении декабрист Раевский. Он оставил о себе добрую память, дружную семью и, самое главное, школу, которую он создал и буквально выпестовал. Баба Маня рассказывала о нем очень охотно, называя его «Владимир Федосеевич», или даже просто, по-домашнему, «Федосеич», и можно было подумать, что он приходится ей близким родственником.

Потом мы перешли к событиям более близким по времени, которым баба Маня вполне могла быть свидетельницей, пусть и с некоторой натяжкой и скидкой на малолетство. В Александровском центре побывало довольно много политических ссыльных. Политические сыграли большую роль в истории Сибири: и в экономической, и в культурной, и в социальной сферах. Именно они подготовили почву, на которой вскоре взойшли семена революционного самосознания. В условиях каземата они организовывали школы, клубы, театры, лектории. Об этом повествует и история Александровского центра. Условия содержания политических тоже существенно отличались от обычных тюремных условий: им, например, разрешалось гулять по окрестностям села с сопровождающим и ходить в гости, а приглашали их довольно часто. Баба Маня рассказывала, что у них дома постоянно ужинали политические. И тут начинается еще одна сказочная история – история побега из ссылки видного деятеля революции и первых лет молодого Советского республике Льва Давидовича Троцкого, рассказанная бабой Маней. В ее версии, Троцкий вместе с сопровождающим его жандармом пришли к ним домой на ужин. Ужин, как всегда, был обильным и вкусным, и было, чем запить, и вскоре жандарм задремал, а Лев Давидович потеплее оделся, и через калитку в конце огорода вышел на лесную тропинку, и пошёл, пошёл, «и в Америку ушёл». Эта история меня крайне заинтересовала, и я перевернула немало страниц, чтобы понять, как именно было дело. Биография Троцкого описана довольно подробно, но сведения о пребывании его в сибирской ссылке скудные. Тем не менее, есть упоминание, что некоторое непродолжительное время он находился в пересыльной тюрьме, в Александровском. Но бежал он не отсюда. Из Алексан-

дровского он уезжает в Усть-Кут, где, собственно, и должен был отбывать ссылку. Годы, проведенные в Усть-Куте, были очень плодотворными для Троцкого, собственно, он Троцкий тогда еще не был, а был по рождению Лейба Давидович Бронштейн. Ссылка стала для него своеобразной творческой лабораторией, он много читает, анализирует, сравнивает и в конце концов становится очень зрелым, ярким журналистом и политиком острой революционной направленности. Сюда влетает еще романтическая история его женитьбы на Александре Соколовской, которая приехала к нему в Усть-Кут. Условия ссылки (что меня всегда чрезвычайно удивляло) позволяют ему отлучаться в Иркутск, где он сделал доклад на каком-то марксистском семинаре. Его заметили и высоко оценили большевики, и было принято решение, что надо ему организовать побег. Побег этот тщательно готовили, было выбраны две опорные точки: сначала Лейба должен был прибыть в Саратов, к Кржижановскому, потом северным путем в Лондон, к Ленину. Жена Александра оставалась в Усть-Куте и должна была по возможности затянуть с сообщением начальству об его исчезновении.

Сам побег был настолько хорошо подготовлен, что показался беглецу делом почти обыденным, лишенным столь привлекательной для него революционной романтики. Уверенный в том, что его еще не скоро хватятся на месте поселения, Лев Давидович бестрашно прибыл в Иркутск, сел в поезд, куда местные социал-демократы предусмотрительно «доставили чемодан с крахмальным бельем, галстуком и прочими атрибутами цивилизации» и, читая томик бессмертных творений Гомера, отправился навстречу своей судьбе (Троцкий Л.Д. Моя жизнь, 1990, с. 139).

Кстати, где-то в это время он взял себе псевдоним «Троцкий», который в отличие от символических «Ленин», «Сталин», «Каменев», носил отпечаток черного юмора: «Троцкий» – была фамилия тюремного надзирателя. Вот так было дело, какая уж тут лесная тропинка!

Из видных деятелей революции в Александровской пересыльной тюрьме тоже краткое время находился Феликс Эдмундович Дзержинский. Именно в это время был известный бунт, в ходе которого заключенные захватили здание тюрьмы, взяв в заложники несколько человек из охраны и даже водрузили красный флаг, который развевался над тюрьмой несколько дней, и жители Александровского специально приходили на это явление посмотреть. Потом из Иркутска прибыли дополнительные роты солдат и губернское начальство. К счастью, жестокого расстрела и трупов не было, и переговоры с восставшими закончились взаимными уступками. Это событие было описано в журнале «Тюремный вестник».

Такой вот странный журнал издавался в России с 1893 по 1917 годы. Его ре-

дакторами были очень серьезные люди: А. В. Лихачев, А. В. Витте, Ф. Д. Огнев. В нем публиковались постановления, отчеты, маршруты следования каторжан, различные события (типа вот такого бунта), и конечно, статьи и мнения по вопросам защиты прав заключенных.

Затем вся эта веселая компания (Дзержинский с товарищами) отправилась к месту ссылки на пароходе по Лене. Им, видимо, так понравилось зрелище развевающегося красного флага, что установили такой флаг на палубе. Наверное, это был красивый момент: пароход с политзаключенными плывет по Лене, а над ним реет красное знамя. Охрана смотрела на эти вещи снисходительно.

Когда я училась в школе, именно такой образ Дзержинского сформировался в моем воображении: вдохновенный юноша читает у костра в глухой лесной тайге друзьям свою поэму, и хотя она написана на польском языке, друзья-единомышленники слушают его, затаив дыхание и все понимают, ибо язык сердца понятен всем.

...Вечером, наслушавшись интересных рассказов бабы Мани, мы вышли погулять по селу. Облокотившись о невысокую изгородь забора в дальнем конце огорода и глядя на разливающийся за дальними холмами закат, мама сказала: «Боже мой, какая тоска! Скорей бы утро, и уехать отсюда!».

Лера очень огорчилась, узнав, что мы уезжаем с утренним автобусом: «А я пострелять собралась ...». Странно сложилась судьба у этой женщины: она никогда не выезжала из Александровского и никогда не выходила замуж.

Какова же дальнейшая судьба Александровского центра? Сразу после революции он использовался как приемник-распределитель для беспризорников, какое-то время там был склад, а в 50-х годах в нем устроили психиатрическую больницу для неизлечимых больных. В общем, все, что было в этих стенах, было ужасно. Финансирования эта больница практически не получала, потихонечку разрушалась и, наконец, пришла в такое жуткое состояние, какое и в страшном сне не приснится. В 2012-м году у нее была отозвана лицензия. Окончательно больница была закрыта в 2016-м году. Надо сказать, что правозащитники просто в обморок падали, когда видели своими глазами условия жизни этих несчастных больных людей. А больные не хотели покидать эти жуткие стены и говорили, что нянечки и медики для них самые родные люди...

Вот так странно всё и печально. Впрочем, история на этом не кончается, и есть надежда, что Александровский центр станет музеем. Да, экскурсоводам будет что там рассказать!

■ Т. В. ГОЛУБЦОВА,
г. Ангарск

Анисим ВСТАВСКИЙ, п. Маркова, Иркутский район

Домой на Родину

Наконец-то мы покинули пределы Германии и Польши. И вот мы в одной из республик нашей огромной Родины – СССР. Снова в Белоруссии. Сколько мечтали, грезили!.. До сих пор считаю белорусов самым добрым, скромным и преданным народом в СССР. Вспоминаю партизанский край. Нигде не видел столько партизан зимой на лошадях, запряженных в сани. Люди одеты, обуты как попало – в кожаных, ватниках, валенках, сапогах, даже в немецких шинелях с утепленными самодельными льняными подкладками. По возрасту – от подростков до дедов. Мужчины и женщины. Оружие разное. От наших винтовок, карабинов до немецких автоматов, от охотничьих ружей до гранат за поясом и немецких пулемётов. Носили, как хотели. Одним словом, партизаны – это не воинская часть. Нам, военным, интересно было на них смотреть.

Иногда приходилось ночевать в какой-нибудь белорусской деревеньке. Тебя согреют, обсушат, накормят хотя бы горяченькой бульбочкой. Мы выкладывали на стол то, что имели в вещмешках. Делились, по-братски угощая друг друга. И так приятно солдатскому сердцу! Утром тепло прощаемся, идем, перебрасываемся мыслями с ребятами. Шагаем податливо, твёрже шаг становится, как вроде дома в Сибири побывали. Потом шли молча, каждый думал о своём, и вдруг кто-то сказал, удивляясь:

– Вчера их не знали, а сегодня прощались, как будто с ними всю жизнь прожили.

Кто-то добавил:

– Время такое. Встречаться и прощаться!

И вот мы въехали в столицу республики – город Минск. Стояла чудесная погода. Кончался август 1945 года. Лето в разгаре, до осени ещё далековато. Огляделись, определились. Находимся в центре города, где расположены правительственные здания-громады. Как мне сейчас вспоминается, город был почти пустой, безлюдный. Иногда шли редкие прохожие, и бегали одинокие собаки. Ни грохота, ни звуков. Тишина. Возможно, нам так показалось после грохота войны в немецких городах, в уличных боях. Мы трудно привыкали к тишине, к спокойной мирной жизни. Злила она нас. Чего-то нам не хватало. Вот сейчас вдумался и понял – не хватало настоящего дела и шумных встреч с улыбками, о которых мы мечтали. Большое наше воинское начальство ушло решать важные вопросы с белорусскими начальниками: кому передать лошадей? Где? Когда? Где расположиться нашей воинской части и т.д. И мы от безделья и неясности скучали, болтались, загибали шутки-прибаутки, рас-

сказывали, бывало, прибавляли отсебя-тину. Но всё это надоело. Не знали, куда девать себя, какой бы номер выкинуть. Были в таком возрасте – энергии хоть отбавляй. И вдруг, откуда ни возьмись, вывалился отряд моряков на улицы Минска. Молодые, brave, всё на них новенькое, с иголочки, шагали, как на параде. Командир моряков подал команду. Ослабились, огляделись. Кто-то из них был из Минска, вспомнил, какой был город до войны и сразу же к нам с претензией:

– Безобразие! Кто вам позволил в столицу Белоруссии с лошадьми! Загнать улицы!

Мы сначала улыбались, пожимали плечами: «Они что, совсем? У нас есть командиры. Мы выполняем команды». Оправдываться перед этими пацанами не хотелось. А они всё больше расходились, видать, где-то глотнули спиртного. Кто-то из наших не выдержал, крикнул:

– Что разошлись-то?

А они: «Конница Будённого. На танки с саблями», – стоят, похохатывают.

Вот тут-то мы не сдержались:

– Вы что, Будённого?

Чей-то голос со смехом:

– Морячки, пацанё, заблудились.

В Белоруссии болота да кочки, – ржали наши ребята, – морячки с застойной лужи, – раздавался смех.

Комэска Лиличенко спокойно наблюдал, подумал: «Остановить нужно».

И вдруг о чём-то перебросились меж собой морячки. Быстро сняли ремни, приготовились к драке. Но их было не более 60 человек. Лиличенко подлетел к морякам, бросил на скаку повод Пермякову, соскочил с коня, твёрдо спросил:

– Кто у вас командир?

Моряк-лейтенант поколебался, но вышел, взял под козырёк. Лиличенко мотнул головой – мол, отойдём. Отошли. Морской офицер не согласился на то, чтобы моряки извинились перед гвардейцами, героями войны, сломившими прыть немецким фашистам. Требовал наших извинений. Лиличенко отнёс претензии:

– Нет. Много хотите. Этого не будет.

Вскочил на коня и скомандовал:

– Первый эскадрон только шашками.

Шашки к бою.

Блеснули на солнце шашки. Потихоньку сказал:

– Если полезут в драку, защищать себя. Наломаем им бока и отправим из Минска, чтобы помнили нас.

Вмиг был окружён отряд моряков. Все поняли: назревает скандал. Лиличенко бросил командиру отряда:

– Нам с тобой отвечать за это.

И вдруг раздалась команда:

– Слушай мою команду! Смирно-о-о! Товарищи гвардейцы! Победители немецкого фашизма! Извиняемся перед

вами. Поздравляем вас с победой! И с возвращением на свою родину – в СССР! Разрешите выполнять своё задание?

Мы ушли в сторону. Очистили им путь.

Лиличенко построил эскадрон:

– Смирно! – Подал команду: – Вольно! – И обратился к нам: – Дорогие мои боевые товарищи. Гвардейцы! Мы ехали и думали, рисовали себе: встретят нас на родине шумно и с улыбками. Но нас в Минске встретила тишина. Давайте без лишних требований подумаем, почему так получилось? Я обдумал хорошо. Пострадали не только Минск и ещё тысячи городов, но и множество посёлков разрушены этими варварами фашизма. Народ Белоруссии ушёл в леса партизанить целыми семьями. Короче, отдали всё, что могли. Я уверен, что белорусский народ воспримет вместе с другими народами страны и сделает Минск краше, чем он был до войны. Да не только Минск, но и всё остальное. А нам, молодому поколению, придётся в армии служить и всегда помнить: война закончилась нашей победой. А сейчас, в мирное время, так же сражаться за Родину и победу. Партия и народ всё сделают, чтобы всё восстановить и жить лучше, чем до войны.

Кто-то сказал:

– Да-а, трудно будет.

Комэска замолчал, подумал и сказал:

– Но не пойдём же с поклоном к мировому капиталу. Долг, проценты. Потеряем свою самостоятельность. Будут вмешиваться в наши дела. Давайте вспомним царскую Россию. При царях она всегда была в подчинённом положении у Англии и Франции. Платили втридорога. Нужно от этого отказаться. Но народ изработался, выложил всё из себя, ждал конца войны, думал, сразу же легче будет.

Сержант Самсудинов долго думал, терзался и осмелился:

– Вот на Висле в обороне от немцев нам кричали, звали из южных республик: – Власовцы, приходите, сдавайтесь!

Братва кругом засмеялась.

– А ты, Самсудинов, почему не побежал к немцам? – вроде бы улыбался комэска.

Сержант покраснел, подпрыгнул в седле и зло крикнул:

– Да Вы что, товарищ командир! Я же не предатель!

– Но ваших же, говоришь, много было.

– Но ваших тоже, – подсёк Самсудинов. Посмотрел горделиво на всех. Все несогласно промолчали, подумали: «Ты гляди, какой ершистый». Сержант не отступал. Сильно, наверное, беспокоило это.

– Как с этими нациями будут разбираться? Ведь война-то окончилась.

Комэска задержался, думал долго:

– Я только комэска и историк. Ну, наверное, накажут даже нацию.

Самсудинов возмутился:

– За что же?

– За то, что воспитала таких уродов. Я так думаю. А может, только тех, если они вернутся домой, кто сдался в плен фашистам, предал Родину.

– А вот почему такие морячки-то получились? – кто-то спросил. – Даже вроде в драку с нами.

Комэска отозвался:

– Давайте вместе порассуждаем, подумаем, определим. Я думал о них и пришёл к такому выводу: на местах у руководства остались такие кадры. До войны их за людей не считали, а жизнь была – не поесть, не попить, не одеть, не обуть. Всё для фронта, всё для победы. Воспитывали их женщины. Мальчишки – народ капризный, не хотели мамкам подчиняться, стали ершистыми. Такими, возможно, и будут. Наверное, армия их исправит, обломает.

После войны в стране сложилась тяжёлая экономическая обстановка. Разрушено было полстраны. Лежали в руинах тысячи городов и рабочих посёлков. В деревне безлюдье. Старики, женщины, подростки, дети. Фронтовики возвращались израненные, без ног и рук, с потерянными здоровьем. Женщины на тракторах и комбайнах. Не хватало запчастей, горюче-смазочного материала. Техника изношена, не подлежала ремонту. Редко кто из фронтовиков мог заменить женщину, здоровье подорвано на фронте.

После войны союзники наши планировали силой оружия победить Советский Союз, разбогатев на Первой и Второй мировых войнах, решили – настал момент. Россия ослабла – можем победить её при помощи атомного оружия. Но радость испарилась. В 1949-м году руководство не дремало, сдержали пыл наших союзничков. Немного успокоились, но ненадолго. Пришли к выводу – нужно бороться через предательство руководящего состава страны. Приехали в Америку под видом чтения лекций премьер Великобритании Черчилль и генерал бывшей царской армии России Деникин. Деникин обратился к президенту США Трумэну, вызвался помочь Америке в деле победы над большевистской Россией и Сталиным. Был им разработан план разгрома коммунистической идеи. Никуда не денется Россия, придёт к нам с поклоном! Выдвинуты были Бреттон – Вудское соглашение и план Маршалла, но Сталин не подписал это соглашение и отказался от плана Маршалла. Усмотрел в этом ловушку – капкан для страны брать в долг у них, отдавать с большими процентами, всегда быть в подчинении иностранному капиталу. А вот Никита Хрущёв подписал это соглашение и исполнил мечту царского генерала Деникина. На съезде партии вмазал такую дурь: культ личности товарища Сталина нанёс непоправимый и главный удар по Советскому Союзу. Помочь западному импери-

ализму в борьбе за мировое господство! А нынешние правители в знак благодарности, наверное, вроде бы по завещанию Деникина разрешили вывести его прах из Америки и похоронили в России. Тем самым к удивлению и возмущению нашего народа опозорив священную землю России. Вот и пришлось советскому народу, засучив рукава, сплотившись вокруг вождя, восстанавливать разрушенное фашистами всех мастей. Но не все выдержали это напряжение. Некоторые думали, вот кончится война, вроде бы на второй день станет легче, и люди слабого характера, особенно в деревне, с трудом пережившие войну, стали искать выход из тяжёлого положения. Сколько можно? Стали правдами и неправдами уходить из деревень в город. Или искали, где хорошо платили. Было и так: сообразительные ушлые родители найдут в городе какого-нибудь сговорчивого парня, договорятся, заплатят ему хорошо. Приедет, посвтаётся к их дочке, зарегистрируются в загсе, она получит паспорт, работает в городе, мыкается по общежитиям. Нет образования, специальности, но зато имеются выходные, отпускные. Получали в месяц аванс и получку. Приедет какая-нибудь Нюрка из города в деревню. Там в городе нет большей радости выпрашивать у подруг несколько добрых платиц и еще каких-нибудь блестящих побрякушек, вырядится в чужое и идёт на вечерку, вся городская, незаметно втихоря радуется, улыбается. Ох, как завидуют ей бывшие подруги. А парни-то, парни! Их страх берёт перед ней. Даже Васья Чернов, о котором она сохла. Он когда-то на неё ноль внимания клал, а сейчас-то, ты гляди, готов глазами съесть. Она молит наивысшего: «Помоги! Вася, подойди». Но Вася сейчас её боится: «Куда мне колхознику, скотнику колхозного стада, ты гляди – какая расфуфыренная. Какая стала краля». Пойдёт с вечерки одна домой, сбросит с себя побрякушки, чужие платицы подруг, упадёт в постель, обнимет подушку, заплачет навзрыд, взмоется: «Боже, какая я несчастная. Я же формально, понарошку выходила замуж, чтобы паспорт получить и в город уехать, а в городе я скучала по своей деревне».

Послевоенная разруха не только коснулась каждого жителя города и деревни, но непосредственно и руководящего состава всей страны. Политика восстановления и строительство совершенно новых по тем временам заводов и фабрик, предприятий потребовала дополнительных людских сил и финансовых средств. Предпочтение отдавалось городу, рабочему классу. Хотя и в городе не было роскошной, райской жизни. Но всё же было немного легче, чем в деревне. Прежде всего, не хватало людей рабочих специальностей. Работали и учились в вечерних школах. Кадры решали всё! Люди работали в три смены. А сейчас? Гуляй, Ваня! Основная масса истинного крестьянина, деревенского жителя, железного колхозника не рванула в города.

Их, я помню, называли старики – «коренные», то есть те, которых можно назвать крестьянской гвардией или по настоящему – железный колхозник. И они горды были этим!

Но и деревня постепенно подымалась с колен. Расправляла плечи при помощи государственной поддержки. После войны изношенная сельхозтехника заменялась совершенно другой. Сперва трактора появились газогенераторные. Потом пошли комбайны с новых заводов. Подросла молодёжь. Выучились на механизаторов. Укреплялись кадры в МТС. Стали платить неплохо. Жизнь налаживалась. Запели, заплясали на вечеринках. Зарубцевались раны Отечественной войны.

...Приехала целая делегация мужиков из деревень принимать лошадей. Рядом со мной оказался председатель колхоза. Даже при немцах колхоз не разбежался. Жил, работал, снабжал партизан продукцией. Немцы боялись соваться к ним в непроходимые болота и дремучие леса. Я подвёл Орлика к табуну лошадей, а у самого сердце трепыхается, жаль коня.

– Ну, давай Орлик, – хриплым голосом сказал ему вслед.

Вот и кончается кавалерийская жизнь. Подсказывают нам наши начальники – будем служить в мотомеханизированной части. Но механизмы – это не живые существа.

Верховые белорусы погнали вскачь табун лошадей. Орлик взглянул, вырвался из табуна, подскочил ко мне. Все удивились.

– Ты смотри, какой ласковый, верный конь!

А я подумал: «Лошадь – она всё понимает, только говорить не умеет». Подошёл к нему, ласково похлопал по шее, потрепал гриву. Пробурчал ему с укором:

– Эх ты, Орлик, не знаешь человеческих указов? Особенно у военных указ начальника – закон для подчинённого.

Взял под уздцы, подвёл к председателю, он забеспокоился, заторопился. Второпях подал руку нашим военным. Недовольным голосом мне крикнул:

– Я же тебе обещал, возьму себе, буду держать у себя, не беспокойся.

Попрыгал на правой ноге, с трудом забрался на коня. Я подумал: «Не обращался он с лошадьми, не тот человек, что подделает». Орлику это тоже не понравилось. Он затоптался на месте, забил ногой о землю. Я крикнул:

– У тебя шпор-то нету, ты пятками, пятками в подбрюшье!

Он ударил несколько раз, конь со злостью закусил удила, рванулся вперёд. Вы когда-нибудь наблюдали такую картину: несущееся стадо лошадей с ночного пастбища. Это невероятное зрелище! Я стою и млею. Стонет под копытами земля. Вскрап и пыль выются над ними, попробуй встать перед ними. Так проводил уходящую кавалерию навсегда...

О примере служения профессии

Рассказы о жизни животных сибирской тайги читают люди разных возрастов. Не так давно вышла в свет книга С.К. УСТИНОВА «Аборигены тайги. Повествование о животных» (Иркутск: «Сибирская книга», ИП Лаптев А.К., 2016).

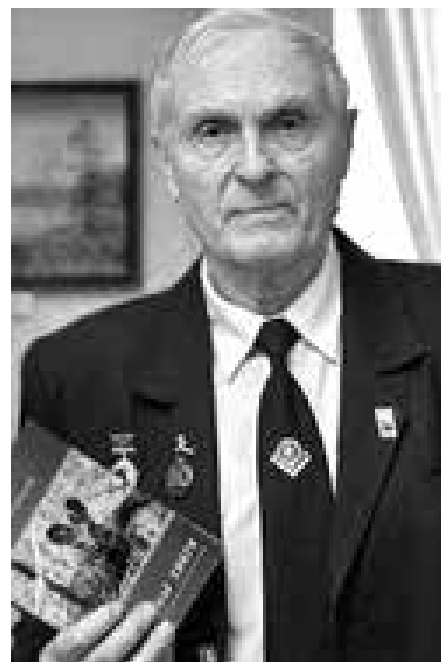
В первой части книги («Записки эколога») рассказывается о кабарге – мускусном олене. Вторая часть посвящена результатам работы многих исследователей и трудов автора книги – Семёна Климовича Устинова. Это повествование о жизни бурого медведя.

Жизненный и творческий С.К. Устинова – путь самозабвенного служения избранной в юности специальности охотоведа.

Семён Климович родился 1 сентября 1933 года в селе Унэгэтей Заиграевского района Бурятии. Отец Клим Дорофеевич был для юноши примером трудолюбия и бережного отношения к природе. Юноша читал произведения Бианки, Пришвина, Арсеньева. В 1956-м году С.К. Устинов окончил факультет охотоведения Иркутского сельхозинститута. С дипломом биолога-охотоведа поступил на работу в Баргузинский государственный заповедник.

В 1967-м году он защитил диссертацию по теме «Экология кабарги». Трудился в институте эпидемиологии и микробиологии в Сибирском отделении Всесоюзного института охотничьего хозяйства и звероводства. С 1988 года Семён Климович работал в Байкало-Ленском заповеднике. Опубликовал около 100 научных статей, 3 монографии в сборниках. Его работы были опубликованы в США, Японии, Швейцарии, скандинавских странах.

Экологическое просвещение стало основной темой творчества Семёна Климовича. Его основные работы: «Заповедник на Байкале», «Год и вся жизнь медведя», «Загадочные тропы кабарги», «В лесах у Байкала», «Волчья песня», «Вести от синих гор», «Визит к Берендею», «Сказки и были о лесных жителях», «Записки эколога», «На заповедных просторах». Для подрастающего поколения в журнале «Сибирячок» было опубликовано много рассказов о жизни животных в дикой природе. В газете «Восточно-

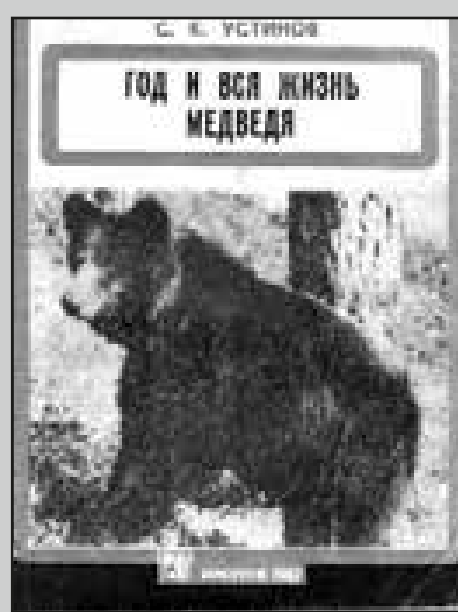
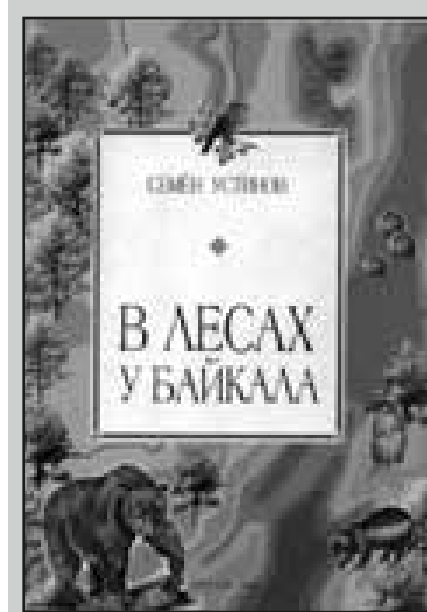

«Сибирская правда» печатались главы его книг...

Семён Устинович был избран Почетным членом Всероссийского общества охраны природы, членом Русского географического общества. Его литературный труд был высоко оценен – в 1998-м году он был принят в члены Союза писателей России. В 1997-м году ему были присвоены звания «Заслуженный эколог РФ» и «Заслуженный работник охотничьего хозяйства РФ».

Многие годы Семён Климович жил на южном берегу Байкала в Утулике. Здесь он скончался 6 июня 2017 года. Похоронен на сельском кладбище.

■ А.И. СЕРЁДКИН,
краевед, г. Ангарск

Роман ДНЕПРОВСКИЙ, г. Иркутск

Уроки музыки

Сегодняшняя история – из недавних: из тех, что рассказали мне буквально на днях. К сожалению, я не запомнил и не записал имён главных действующих лиц – но в самое ближайшее время обязательно всё уточню и внесу исправления в текст. А рассказал мне эту историю капитан Иркутского речного пароходства Виктор Вертянкин – человек, страстно увлечённый историей флота и историей родного города, к тому же – большой ревнитель памяти адмирала Колчака.

Неделю назад капитан Вертянкин навестил меня, и за чашкой крепкого чая, когда зашла речь о «колчаковских местах» родного города, поделился со мной этой историей, которую рассказывала ему несколько лет назад его бывшая школьная учительница. Девочка, о которой идёт речь в рассказе – та самая учительница моего друга...

...Девочка лет двенадцати ходила к учительнице на дом брать уроки музыки. Учительница была «из бывших»: в годы российской смуты она не успела выскочить из большевистского Мордора в Маньчжурию – и осталась в Иркутске. Будучи по профессии актрисой, здесь она какое-то время играла в местном театре – а когда из-за «классового происхождения» пришлось оставить сцену, стала давать частные уроки музыки.

Учительница жила вместе с сестрой, в оставшейся от родителей квартире в самом центре Иркутска, на пересечении бывших улиц Дегтёвской и Троицкой. По злой иронии судьбы, случилось так, что именно по улице Троицкой в город вступила та самая Пятая красная армия, которая принесла сюда на своих тыках советскую власть – вот и превратилась после этого бывшая Троицкая улица в «Улицу им. 5-й Армии». Эту власть, сломавшую её жизнь, учительница музыки не любила всей душой: ей, бывшей иркутской институтке, эта власть ничего, кроме унижений, не дала. А городу? Про взорванные храмы, про травлю интеллигенции и чиновничества, про то, как люди сделали «лишнествами», мы говорить даже и не будем – но вот во что превратился прежде уютный и ухоженный Иркутск, и сказать страшно!... В загаженных, запущенных парках, прежде бывших гордостью горожан, теперь эти же самые горожане вынуждены украдкой вырубать кустарники и собирать ветки и сучья – с дровами проблемы; центральные улицы города – прежде чистые и опрятные, сейчас стоят в грязи: переполненные помойные ямы стекают на улицы, а деревянные тротуары точно так же растаскивают на дрова, грязь и зловоние никто не убирает... Да, построен новый мост через Ангару-реку, построено несколько многоквартирных домов «в конструктивистском стиле», но –

...тёмен, грязен город наш,
Заколочен досками... –

а те, кто прежде составлял большую и

лучшую часть населения Иркутска – государственные чиновники, железнодорожные и банковские служащие, инженеры, врачи, учёные, предприниматели – одним словом, городская интеллигенция – кто в Маньчжурию выехал, кто арестован, кто умер – а оставшиеся вынуждены владеть существованием, пристраиваясь в советских учреждениях и дрожать, ожидая, когда возьмут тебя за шкирки, учитывая «происхождение» – или перебиваться случайными заработками. Вот учительница с сестрой и перебиваются: она уроки даёт, а сестра оббивает на стареньком «зингере» советских модниц – жён и дочерей местной партийно-чикистской «элиты». Уныло живёт Иркутск на третьем десятилетии соввласти...

...Девочка приходит брать уроки каждый день, и ей очень нравится бывать в квартире своей учительницы: здесь ещё стоит старая – той, ушедшей эпохи – мебель, а окна закрывают тяжёлые шторы с кистями; в квартире учительницы у неё есть подружка – старенькая горничная, она же – кухарка и посудомойка. Вернее, старушка – уже БЫВШАЯ кухарка и горничная: в нормальное время она работала у родителей учительницы и её сестры – а с установлением советской власти просто осталась жить в семье: выполняет прежнюю, привычную работу по дому, и живёт в маленькой комнатке за кухней – не то, приживалка, не то – родная уже бабушка двух дам... А приходящую ученицу всегда чаем из самовара поит – жидким, правда, чаем (а кому легко-то?) – но непременно горячим: на улице морозы стоят, ветра февральские дуют – как же без чая-то?

...В тот день учительница почему-то торопилась закончить занятия пораньше – как поняла наша маленькая героиня из фразы, брошенной сестрой учительницы по-французски, в доме ждали гостей. Затем между дамами состоялась короткая беседа о талантах ученицы:

– La fille joue tres bien (девочка очень хорошо играет), – заметила сестра учительницы.

– Oui, elle est tres capable et talentueuse (да, она очень способна и талантлива), – похвалила та свою ученицу.

– Merci, mesdames (спасибо, мадам),

– ответила девочка тоже по-французски.

– Ты понимаешь французский язык? – спросила учительница уже по-русски. Девочка кивнула в ответ, – Очень хорошо, очень хорошо! А теперь – ступай, на сегодня занятия окончены. Приходи завтра, а сегодня к нам должны собраться гости...

Ну, гости – так гости. К тому же, было слышно, что кто-то уже пришёл, что в передней кто-то разговаривает – и девочка, простившись с хозяйками, мышкой выскользнула в переднюю, а оттуда – по парадной лестнице на улицу.

На лестнице девочка тоже столкнулась с гостями, шедшими в квартиру, в которой жила её учительница – по лестнице поднимались несколько мужчин и женщин очень приличного вида. И ещё на улице она видела несколько людей – поодиночке и семейными парами шли они к дому, где жила преподавательница музыки. Улицы эти в те годы были пустынными – вот девочка и запомнила. «Видимо, праздник какой-то семейный, – подумала она тогда, – день рождения, или именины...» – и больше об этом думать не стала: её ведь, способную и талантливую, не оставили в гостях. А могли бы...

...Прийдя на следующий день на очередную урок, девочка сразу же попала в объятия старушки-«домработницы»: была препровождена на кухню, где ей налили горячего и ароматного и крепкого (небывалая роскошь!) чая – да ещё и выдали кусок рыбного пирога:

– Кушай, детка, кушай! – ворковала старушка, – а мне надо посуду мыть – с вечера ещё много осталось, много вчера гостей у нас собралось...

– А что за праздник был? – поинтересовалась маленькая музыкантка, – день рождения чей-то или именины?

– Да нет... Грустная дата была, – старенькая домработница пристально посмотрела на девочку, помолчала, и добавила: – Александра Васильевича поминали... Верховного Правителя... Колчака...

На календаре было седьмое февраля одна тысяча девятьсот сорок третьего года.

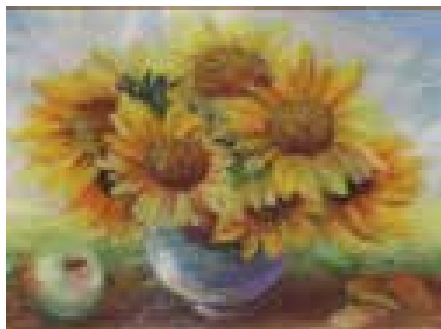
Прекрасное руками ангарчанок

С 5 июля по 5 августа 2017 года в Выставочном центре им. В. Роголя в Иркутске проходила выставка «Прекрасное своими руками» мастеров Союза народного искусства «Оникс» и творческого объединения «Мастера Ангарска», которое представили Н.П. ГРИШЕЧКИНА, Л.П. ДИКУСАРЭ, Н.А. КВИТКОВА, Е.А. ЛАПУГА.

Педагог дополнительного образования МБУДО «Музей Победы», участник и победитель муниципальных и региональных выставок **Надежда Прокопьевна Гришечкина** представила на этой выставке картины ручной работы «Шерстяная акварель». Своим мастерством Надежда Прокопьевна неоднократно делилась на муниципальных семинарах «Творчество без границ», была участником фестиваля «Хоровод ремесел на земле Иркутской» в 2016-м году.

На своём мастер-классе Надежда Прокопьевна показала, как создаются картины в технике «шерстяная акварель». Берется картон, обклеенный флизелином, и на него прядками накладывается шерсть. От толщины пряди зависит размытость работы, что и называют «эффектом акварели». Чем больше цветов использует автор, тем натуральнее выглядит работа. Шерсть на картоне никак не фиксируется, она просто придавливается стеклом и остается там навсегда. На одну картину у Надеж-

• Слева направо: Е.А. Лапуга, Л.П. Дикусарэ, Н.П. Гришечкина, Н.А. Квиткова

ды Прокопьевны уходит от одного часа до двух недель. Надежда Прокопьевна рассказала:

– Сегодня в нашем распоряжении есть множество натуральных и искусственных волокон, которые дают неограниченные возможности для рисования. Шерсть – очень приятный материал для работы. Она мягкая, имеет богатую цветовую палитру, сохраняет тепло рук.

В любом деле нужен опыт, мой начался с мастер-класса по валянию шерстью. В дальнейшем меня привлекла другая техника – шерстяная живопись. Без трудностей не обошлось: я долго вырабатывала навык создания объема, верного цветового эффекта. Путем проб и ошибок я нашла новые методы для рисования шерстью.

Путем смешивания волокон шерсти между собой для получения требуемо-

го оттенка и, применяя метод нащипывания для создания нужного цвета, я выстраиваю необходимый объем – в этом новизна моего метода. На примере картины «Подсолнухи» я поясню, как я использую этот метод: шерсть держим в одной руке, а второй вытягиваем из пасмочки волокна; смешиваем цвета до нужного оттенка и нащипываем лепесток. То же действие продельываем для фона; отстригаем один край лепестка и выкладываем по кругу. Лепесток придерживаем левой рукой, а правой поправляем кончик; серединку подсолнуха выкладываем методом стрижки. Нижние подсолнухи держат всю композицию и создают объем, так как выкладываются ярче по цвету. Картину оформляем в раму под стекло. В своих работах я использую волокна различного происхождения, это придает изделию дополнительные очарование и индивидуальность.

Учитель технологии СОШ №29 г. Ангарска **Людмила Павловна Дикусарэ** показала на выставке коллекцию «Тепло и синтетика в картинах», выполненную в технике «гильоширование» (выжигание по шелку). Авторские работы Людмилы Павловны неоднократно выставлялись и занимали призовые места на муниципальных выставках в Художественном центре Ангарска. Своим мастерством Людмила Павловна делилась на семинарах «Творчество без границ», её учащиеся выступали на научно-практических конференциях «Диалог культур», «Юный исследователь». За свое творчество и многолетний, безупречный труд в школе Людмила Павловна получила звание «Ветеран труда».

При проведении своего мастер-класса мастерица рассказала, что использует в творчестве синтетический шелк, выжигатели разной толщины, цветную и черно-белую картинку. На неё накладывается кусок ткани – это фон. Дальше берутся другие оттенки, и нужно выжигателем водить по ткани, тем самым вырезая ее. К фону вырезанный кусочек присоединяем опять

же выжигателем, только маленькими точечками — ткань приклеивается. Есть нюансы: сначала нужно сделать задний фон, а ветки дерева следует украшать листвою снизу вверх.

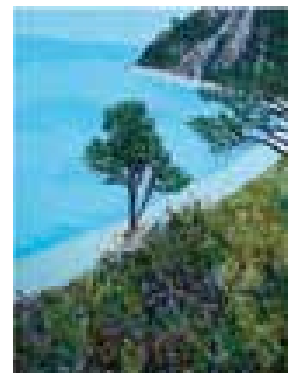
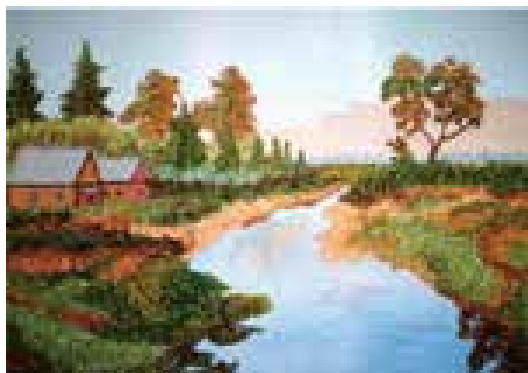
Картины Людмилы Павловны уникальны, потому что у всех мастериц, работающих в данной технике, картинка плоская. А наша мастерица придумала, как сделать эффект 3D. Она нарезает ткань, имитирующую листья и траву, «елочкой» и приклеивает по одной штучке, а не целым полотном (!). Людмила Павловна пояснила:

— С технологией «Гильоширование» я познакомилась в середине 90-х годов. Красивые салфеточки и воротнички, обработанные в необычной технике, были заманчиво красивыми. Первый раз эти изделия я увидела у женщины, которая торговала ими возле старого универмага. Позже в местной газете я прочитала объявление о курсах «Выжигание по ткани», позволила... Курсы продолжались всего три дня, но всё, что было необходимо для самостоятельной работы, на них было показано. И я с большим удовольствием погрузилась в эту технологию, на-

рабатывая качество и обучая учащихся изготовлению салфеточек.

К изготовлению картин в технике «Тепло и синтетика в картинах» я подошла в 2005-м году. В июне у меня погиб сын, огромное горе день и ночь... Как-то я машинально перебирала книги, и в руках оказалась книга с сюжетами природы для вышивки. Не помню, сколько я её держала в руках – всё было бессмысленно и бесконечно долго. Вдруг мелькнула мысль, что эту картинку можно сделать в технике гильоширования. Позже пришла необходимость углубить знания по цветовому сочетанию. Пригодились знания по материаловедению, знание свойств волокон...

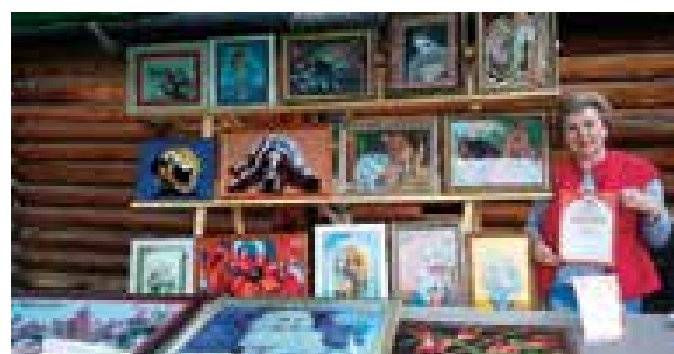
При изготовлении картин возникли определённые трудности, так трудно подобрать переходные тона одного цвета. Художникам проще: они могут соединить определённые цвета красок и получить необходимый цвет. Но, несмотря ни на какие трудности, я делаю картины на тему «Байкал» и доношу до детей идею, что надо любить и воспевать родной край!

Третий участник выставки – **Надежда Анатольевна Квиткова**, технолог швейного производства ООО «Салон мод «Соболь» (Ангарск), работает приемщиком заказов. Она давно занимается прикладным творчеством: плетение из бумаги, чулочная техника и канзаши, вышивка крестом и полукрестом. Надежда Анатольевна освоила объемную гладь, ковровую технику. Участвовала в муниципальных выставках в Музее Победы, Художественном центре Ангарска, парке деревянных скульптур «Лукоморье» в с. Савватеевка, на Международной выставке в Тальцах. Надежда Анатольевна неоднократно награждалась благодарственными письмами и грамотами.

На своём мастер-классе мастерица рассказала о ковровой вышивке. Для освоения этой техники необходимы кусок ткани двунитки, рама, игла для ковровой техники и шерстяная пряжа. Ткань натягивается на рамку и закрепляется. На полотне рисуются границы картины и рисунок вышивки. Внимание: сама картина будет вырисовываться на изнаночной стороне полотна!

...Контур нанесен, и мастерица протыкает ткань специальной иглой с заправленной ниткой. Идем по контуру. Стежок, стежок и ещё стежок — не сложно. А теперь переворачиваем

картинку и любуемся результатом. Забавно, что такая вышивка выполняется без единого узелка. На одну картину у автора уходит от двух недель до одного месяца. Надежда Анатольевна рассказала:

— В двадцать лет я покинула родительский дом. Мне до сих пор вспоминаются бревенчатый дом с белеными стенами; на окнах выбитые занавески; изумительные скатерти, вышитые гладью; аккуратно заправленные кровати с выбитыми под-

зорниками, и обязательно – постеленная дорожка на покрывало, вышитая крестиком или гладью; накидушки на красиво поставленных подушках. А какие необыкновенные салфетки: и выбитые, и вышитые крестиком и гладью клали на телевизор и радиолу! Вся эта красота и была моим творческим вдохновением...

Сначала я училась вышивать на швейной машинке и немного выбивать, затем стала понемногу вышивать картины

крестиком. Позже захотелось освоить ковровую технику. Выполненные работы дарила родным, близким и больным детям в благотворительных целях. Несколько работ увезли в Швейцарию... А я продолжала творить. Стала участвовать во всевозможных выставках и фестивалях. На одном из таких фестивалей в «Лукоморье» меня заметила Березина Галина Яковлевна с работами в ковровой технике. Она сказала, что надо обязательно возрождать эту технику – вот так я попала в этот прекрасный коллектив, в котором хочется творить!

Заведующая художественно-эстетическим отделом МБУДО «Станция юных техников» г. Ангарска **Елена Анатольевна Лапуга** – четвертый участник выставки из Ангарска. Творческие работы Елены Анатольевны неоднократно принимали участие в муниципальных и региональных выставках «Город мастеров», конкурсах «Сохраняя семейные традиции». Она прошла курс «Ручное узорное ткачество на кроснах», давно и успешно работает с природным материалом – берестой, соломкой, но особое её внимание занимает художественная обработка кукурузы. Так, из кукурузных листьев сделаны выставочные куклы «Обрядовые обереги» и «Сибирские красавицы».

На открытии выставки Елена Анатольевна поделилась нюансами художественной обработки кукурузы. В своих работах мастерица использует листья кукурузы. Но вот незадача: они ведь очень жесткие! Чтобы превратить твердые листья в материал для творчества, рукодельница сбрывает листики водой, немного растирает в руках. Они становятся мягкими, как ткань. Это сходство автор оценила и даже придумала прошивать листья на швейной машинке. Из таких полотен Елена Анатольевна изготавливает одежду для кукол. Автор говорит, что те, кому знакома техника создания тканевых кукол, легко смогут проделывать те же операции с кукурузными листьями. Только для фик-

сации фигурки используется горячий клей или жгуты, сделанные из кукурузы. Когда листья высыхают, то приобретают определенную форму, предугадать которую сложно. Но это автору и нравится. То рука куклы загнется вниз, то голова красиво повернется, это наталкивает на идеи о том, что кукла делает: гуляет под зонтом, идет под ручку с кавалером или любит своего отражением в зеркале... Елена Анатольевна рассказала:

– Готовясь к очередной осенней выставке «Природные фантазии», я хотела сделать красивую поделку из природного материала. В огороде выросла кукуруза, но вызреть она не успела. Рыльца напоминали волосы. Особое внимание я обратила на покровные листья початков – они были разными по длине и ширине, разных оттенков. Возникла идея изготовить кукурузную куклу-закрутку. В сети Интернет нашла фотографии поделок из кукурузных початков: лошади, крокодилы, человечки. Работы были выполнены из початков невызревшей кукурузы. При высыхании они деформировались и теряли свой вид.

Набрав покровных листьев початков, я попробовала изготовить куклу-закрутку. Листья я нарезала на полоски, затем скручивала, но они сохли и ломались. Свою первую куклу я сделала из сырых покровных листьев кукурузы, но она высохла и вся сморщилась. Я решила выпрямить складочки для платья, увлажнив кукурузный лист, и это было

моим открытием! Работать нужно не с сырыми, не с сухими, а увлажненными кукурузными листьями. Только из таких листьев получаются нужные детали для работы!

Первые мои куколки были маленькими – размером с покровный лист. Из кукурузных рылец я плела косы и украшала их зернами кукурузы. Такой наряд придавал кукле некую индивидуальность. Позже я решила сделать большую сибирскую красавицу из листьев кукурузы. Подобрала по цвету и размеру листья, а их сшила на швейной машинке. После сшивания получилась форма пышной юбки, которую я отделала кружевом. Чтобы изготовить голову и туловище, нужно было сшить листья, вывернуть и придать им нужную форму. Каждую деталь платья – рукава, воротник – изготавливала отдельно, декорируя бантиками, косичками, цветочками. Затем все детали склеивала флористическим клеем. Для украшения платья делала кукурузные цветы по технологии изготовления цветов из атласных лент. Дополнительно для создания сибирской красавицы были изготовлены зонтик, сумочка, бусы.

Покровные листья легко заготавливаются для поделок и долгое время не портятся, не требуют дополнительного окрашивания, из них можно сделать много разных поделок! С 2012 года работать с кукурузными листьями стало моим любимым занятием.

Вот такие уникальные мастера народного творчества живут и трудятся в Ангарске! И дело даже не в том, что каждая из них – трудолюбивый мастер и прекрасный педагог, а в другом – эти ангарчанки владеют уникальными творческими технологиями, которые с ра-

достью демонстрируют на выставках различных уровней. Ангарску есть, кем гордиться!

В заключение: ангарские мастера благодарят **Галину Яковлевну Березину**, председателя областной общественной организации «Союз мастеров народного искусства

«Оникс». Это она предложила провести выставку ангарских мастеров, состоящих в организации, и оказала неоценимую поддержку в её организации и проведении. Огромное Вам спасибо, Галина Яковлевна!

■ Подготовила А. НАРЧУК

Её поэзия, как озаренья миг...

Александра Алексеевна СОЛОДОВНИКОВА пишет стихи со школьных лет, её друзья всю жизнь перекладывали их на музыку и пели любительские песни. Умелая в работе, красивая внешне, добрая и щедрая по характеру, она пользовалась уважением и вниманием людей в коллективах, в которых работала. Почти двадцать лет трудилась она на ТЭЦ-10 дежурной щита управления. Там же работал инженером-электриком ее муж Василий Фёдорович. Немаленький трудовой стаж в двенадцать с половиной лет и в Иркутской медтехнике, где она занималась ремонтом медицинской аппаратуры. Но как говорят, судьбу не обманешь. Похоронила мужа и трех сыновей. Годы летят, а она включает записи и слушает, как поёт её сын Александр, безвременно ушедший из жизни. Красивый голос...

Александру всегда приятно встретить: эмоциональная, с огромной жадой жить... Когда я её увидела через десять лет, мне было очень интересно побыть с ней и узнать, как складывалась ее судьба. Порой мне казалось, что выживает она благодаря стихам, которые пишет.

• А.А. Солодовникова

Для меня ты – всё самое лучшее,
Я тянусь к тебе сердцем измученным.
В моей горькой судьбе неприветливой
Мне мерцаешь звездой заветною.

Я тобою совсем не замечена,
И хотя ты с другою обвенчанный,
Я за то благодарна судьбе,
Что приходишь ко мне ты во сне.

Вечер

Разметался вечер ароматом свежим,
Притаился в листьях, в зелени травы.
Как мне одиноко без тебя, мой нежный,
Сердце льет грустинки в зеркало луны.

Каждая травинка мне поет о счастье,
Что ко мне вернешься, постучишься вновь.
Даже с неба звезды светят с дивной страстью.
Это предсказанье: верная любовь.

Пойдём, родная, погуляем!

Зима, наверно, заблудилась
И мимо города прошла.
Иль на ночь где остановилась,
Местечко скромное нашла.

Пойдем, родная, погуляем,
Средь сосен тихих постоим.
Ведь всё равно зима нагрянет,
В час ночи – город нелюдим.

Обрушит снег с небес холодных,
Метелицу закружит.
Завоет волк в лесу голодный.
Пурга в деревьях зашумит.

Да! Будет лунное сиянье
С небес на землю песни петь!
Но до весны наше гулянье
И эту ночь не повторить.

О, лето! Куда ты стремишься?
Уйдешь, видно, скоро.
Осень вдогонку бросает тебе:
«Прекрасное лето, с тобою не спорю,
Но время уступишь ты мне.
Покрою я землю ковром золотистым,
И станет немного грустнее.
Калина, рябина нектаром душистым
Приманят на пир снегирей».

За что судьба смеется надо мной?
И плачу я бессонными ночами.
Мне никогда не быть с тобой, одни печали.
Не чувствуешь ты это, дорогой,
И видеть ты меня не хочешь.
На всё на это у тебя ответ:
«Напрасно, Сашенька, хлопочешь».
Уходишь ты. С тоской вослед
Смотрю я на тебя уныло
И жду звонков, а их всё нет.
И снова так, как раньше было.

Мне хочется просить пощады.
На это всё гляжу со страхом.
Мне кажется, не выживу, любя,
Из жизни я уйду и стану прахом.

Черёмушка

Как хороша черёмушка
В душистом одеянии!
Стоит, собой любитесь
В излучине реки.
Вся трепетность ее
В дрожащем ожидании,
Но некому подать ей
Веточки-руки.
Из белых лепестков
Накидка ее выткана.
Наброшена прохладою
Зеркальной стороны.
Росинки-слёзы горести
Из той накидки выплыли,
Упав в бездушье инея
И в глубь речной травы.

Романс

Дорогая моя, бесценная женщина!
Светлый лучик тепла и земной красоты!
Знать, по жизни судьбою
Тебе было завещано
Храм построить в душе,

Храм святой доброты!
Самим Господом Богом
Тебе было завещано
Храм построить в душе,
Храм святой доброты!

*Посвящается поэте г. Ангарска
Ольге Гизатулиной*

Закат мне подарил последний луч
И отблеск маленькой надежды.
О, Ольга! Я прошу помочь
Мне стать такой, какой была я прежде.

Не отворачивай божественный свой лик
От той, которая к тебе стремится.
Твоя поэзия, как озаренья миг,
Уносит сердце быстрокрылой птицей.

Когда я слушаю твои стихи,
Читаешь их ты с недоступной сцены,
Перед глазами жизнь, ее штрихи
В моих надеждах, переменах.

О, Ольга, я прошу тебя:
Поддай глоток из родника водицы.
И, может быть, хоть на чуток,
В своей поэзии смогу я возродиться.

«Звезда» из 178 квартала», – так называлось интервью с Александром, сыном Александры Солодовниковой, в газете «Свеча» писателя Игоря Корниенко.

Его слушали в лучших клубах Москвы и на лучших концертных площадках. Он пел в группах «Электроклуб» и «Дюна». Композиторы Успенский и Дунаевский восхищались его голосом. За два куплета, исполненные им, платили тысячу долларов. В Москве у него осталось много фанатов, которые с нетерпением ждут выхода его альбома. Его знали многие, но, наверное, мало кто знал и знает, что он начинал свою карьеру в Ангарске в ДК «Строитель», – так писал И. Корниенко в 2001-м году.

Александр Солодовников (псевдоним «Соло») родился 13 августа 1961 года в Ангарске, жил в 178-м квартале. Запел в три года. Учился в школе №37, а позже окончил СГПТУ №32 по профессии «газоэлектросварщик». Во время учебы в училище впервые выступил на сцене ДК «Строитель». Пел и в армии. Вернувшись, продолжал работать вокалистом в Домах культуры Ангарска. Пел в группе «Знак дракона» в ДК «Нефтехимик» и в группе «Продолжение следует». В 1988-м году по приглашению группы «Карусель-Мэр» уехал в Иркутск. Потом была группа «Леонора», а после Александр уехал пробиваться в Москву.

Шел 1990-й год. Первое время в Москве работал гитаристом «Черного кофе». Вращался в модных тусовках, где и познакомился с композитором Александром Назаровым. Тот прослушал ангарчанина, дал телефон, и года через два Александр Соло уехал гастролировать с «Электроклубом», перепевая хиты бывшего солиста группы Виктора Салтыкова: «Кони в яблоках», «Ты замуж за него не выходи» и другие.

В конце 1992 года вернулся на родину, к родителям. Встретил новый 1993-й год в кругу семьи, и ... 6 января в квартире Соло раздался телефонный звонок из Москвы. Звонил Сергей Кадников, барабанщик группы «Дюна».

– Александр, срочно выезжай в Москву, Виктор Рыбин взял тебя в группу.

13 января Александр Соло (гитара-вокал) выступал в команде «Дюна» во Дворце спорта «Крылья Советов». С этого и началась работа ангарчани-

на в группе «Дюна». Александр снялся в нескольких клипах: «Привет, малыш» и «Женька». Проработав в группе два года, Александр занялся сольной карьерой, чтобы не зависеть ни от кого и петь то, что близко душе и сердцу. Но сольный проект не состоялся. 28 июля 2001 года Александр вернулся в Ангарск...

– Почему?..

– Во время работы в Москве, а это 11 лет, я всё время скучал. Меня постоянно тянуло домой, в Ангарск, город, в котором прожил в общей сложности 29 лет. Я вернулся домой и, наконец, вздохнул. В Сибири всегда было больше красоты, больше сильных музыкантов и исполнителей.

– Что ты намерен делать в Ангарске?

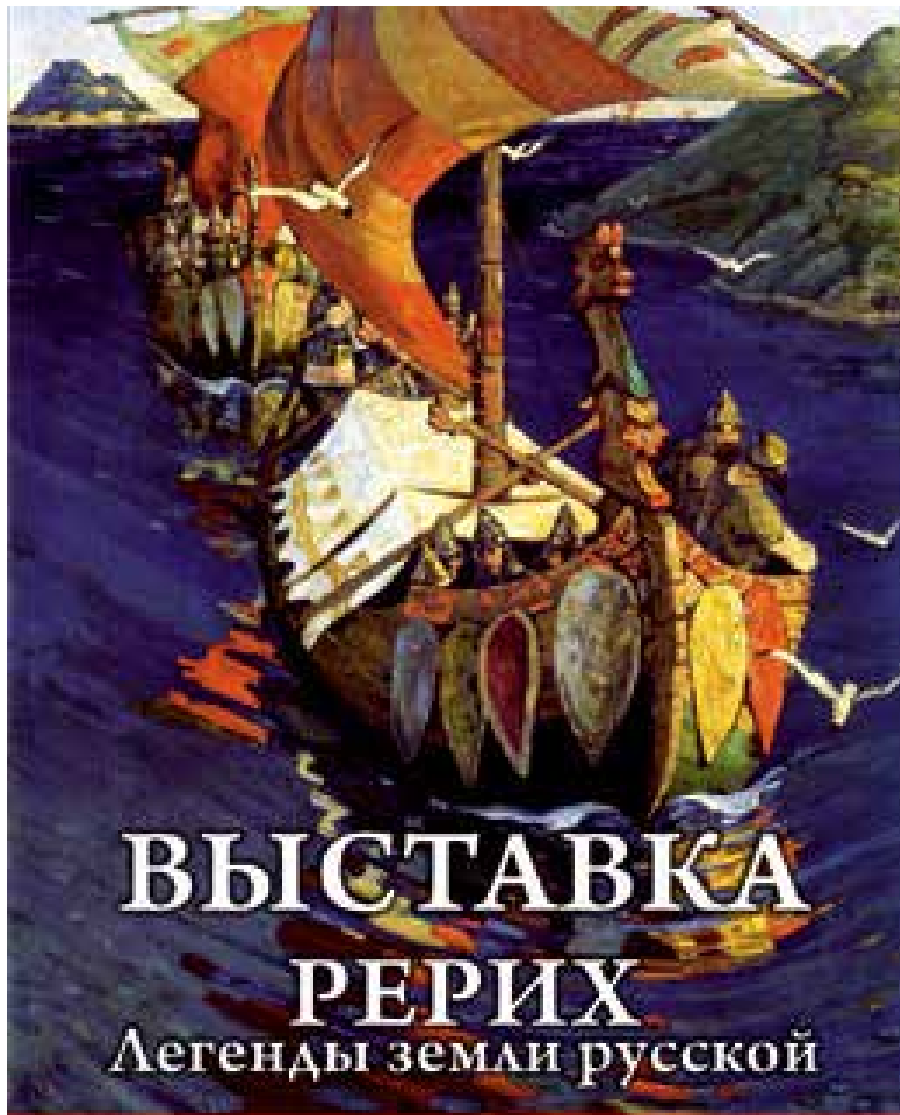
– Хочу собрать музыкантов (клавиши, бас, саксофон) и петь что-то в стиле «рок-попса». Начну с пародирования старых хитов групп «Смоки», «Шокин Блю».

– Значит, мы скоро сможем тебя увидеть и услышать?

– Мои сольные записи уже крутятся на радио «7-й этаж». Это песни «Лолита», «Поболтай», «Да», «Осень». Я не хочу быть «звездой». Я хочу петь для души, для людей, чтобы меня воспринимали мои земляки, ангарчане. Чтобы приходили на концерты и слушали...

■ Подготовила Л. РОССОВА,
фото Д. ЧИРИКОВА

Легенды земли русской

Пн. – пт. с 11.00 до 19.00 Выходной: суббота
Вход свободный

Музейно-библиотечный Рериховский Центр «Музейон»
Городской общественной организации «Ангарское Рериховское общество»
Площадь им. В.И. Ленина, здание библиотеки, 2-й этаж
Запись на экскурсию по тел.: 8 964 210 6584

Выставка репродукций картин Н.К. Рериха «Легенды земли русской», представленная сотрудниками музейно-библиотечного Рериховского Центра «Музейон», вызывает большой интерес как у ангарчан, так и у гостей города (Омск, Хабаровск, Набережные Челны, Улан-Батор (Монголия), Москва, Канада, Англия и др.). Приглашаем всех желающих посетить выставку и открыть для себя творческие грани великого русского художника Н.К. Рериха.

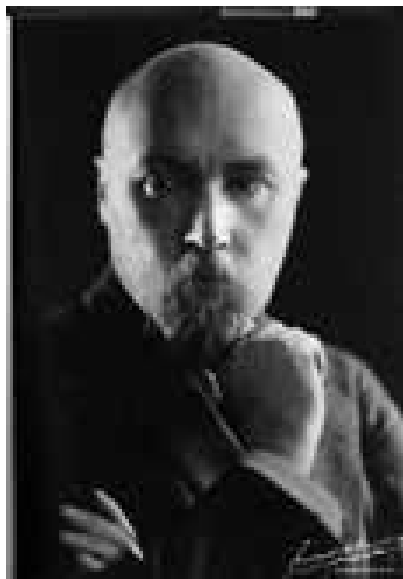
...О Рерихе как о русском художнике, запечатлевшем «преданья старины глубокой» на холсте, редко говорят и пишут.

Из письма Н. Рериха к Л. Антокольскому от 11 июня 1895 года: «... Познакомился я тут с народными представлениями об Иване-царевиче и в сказках. Ведь это не что иное, как весенний луч, проникающий в царство смерти и зимы, чтобы освободить красавицу-лето. Чудная это вещь – эпическая поэзия. Со всем она меня в полон забрала».

Из письма В. В. Стасова от 17 сентября 1897 года к Л. Н. Толстому: «Один юноша, 22 лет, пишет мне: «Сегодня утром неудержимо захотелось мне написать Вам, несмотря на наше недавнее вчерашнее свидание. Большое, огромное спасибо Вам за последние оттиски. Не знал я совсем Ге... Кабы побольше таких людей! Не меньший свет пролился на другого обожаемого мною человека - Льва Николаевича. Страшно хочется мне узнать его внутреннее, – узнать его и – Человека....». Фамилия этого белокурого, голубоглазого птенца, в куртке с синим воротником – Рерих. Учился он, «воспитывался» – по необходимости, по приказу отца – ординарнейшего нотариуса. Но призвание его – живопись, которой он занимается с ярою страстью, вопреки запрещению, отказам, приказам и указам отца. Не знаю еще, что дальше будет, но он отлично шел в классе профессора Куинджи (в Академии художеств), и тот на него смотрел как на надежду. Только он идет вовсе не по пейзажу, а по живописи и композиции на древнерусские сюжеты до Рюрика еще. У него по сию пору проявляется много оригинальности и живописности...».

Первым произведением студента Рериха, привлечшим к нему внимание публики, была картина «Варяг» (1895), показанная на ученической выставке 1896 года. Успех «Варяга» был несколько неожиданным для Николая Константиновича. Когда к нему подошел хранитель музея с вопросом о цене, Рерих ответил: «Восемьдесят рублей», подумав, не дорого ли запросил. Служитель улыбнулся: «Считайте проданной». Картину купил коллекционер **В.С. Кривенко**, член Российского театрального общества.

В людях ушедших эпох Рерих видел цельность и ясность мировосприятия, внутреннюю гармонию. Он восхищался даром древних постигать красоту, кото-

• Н.К. Рерих

• «Гонец», Н.К. Рерих

рый так ярко проявился в их предметах обихода. Детальная передача предметов старины в картинах Рериха не заслонила умения живописца передавать дух эпохи, ее атмосферу.

При каждом очередном выпуске в Санкт-Петербургской Академии художеств устраивалась выставка конкурсных работ, Рерих представил «Гонца» и «Вечер богатства Киевского». Эти работы были отмечены **И. Е. Репиным** как «особенно интересные». Торжественное вручение дипломов состоялось 4 ноября 1897 года. Комиссию возглавлял граф И.И. Толстой. Рядом с ним за столом восседали члены Совета Академии. Напротив, на скамьях сидели гости и учащиеся. На кафедре, чтобы прочитать отчет Академии за год и назвать фамилии выпускников, получивших звание художника, поднялся конференц-секретарь В.П. Лобойков, в мундире и при шпаге. Присутствовал на этом торжестве и **Павел Михайлович Третьяков**, он приехал из Москвы с целью приобретения картин для своей галереи. Новоиспеченные художники с волнением ожидали его выбора. На этот раз Третьяков купил пейзажи Ф.Э. Рушица, А.А. Борисова и рериховского «Гонца». Павел Михайлович заинтересовался творческими планами Николая Константиновича, расспрашивал его о замыслах и просил сообщить, когда будут написаны следующие картины «славянского цикла». Но эта встреча Рериха и Третьякова оказалась первой и последней, через несколько месяцев Третьяков умер.

«Гонец» вызвал интерес и у представителей Петербургской художественной критики. Автор статьи, помещенной в газете «Новости», С.П. Дягилев, с которым Рерих вскоре познакомился, назвал «Гонца» одной из самых интересных работ выставки. Дягилев писал о «сказочности» картины, выделяющей ее среди произведений других художников на исторические сюжеты.

Владимир Васильевич Стасов, восторженно принявший картину «Гонец», предложил молодому Рериху:

– Вы непременно должны побывать у Толстого! Через два дня мы с Римским-Корсаковым едем в Москву. Поедете?

Рерих согласился. Четвертым спутником был скульптор Илья Гинцбург, друг Стасова. Николай Константинович вспоминал: «И вот мы в купе вагона. Стасов, а ему уже семьдесят лет, улегся на верхней полке и уверяет, что иначе он спать не может. Длинная белая борода свешивается вниз. Идет длиннейший спор с Римским-Корсаковым о его опере. Реалисту Стасову не вся поэтическая эпика «Китеж-града» по сердцу... Утром в Москве, ненадолго остановившись в гостинице, мы все отправились в Хамовнический переулок, в дом Толстого. Каждый вез какие-то подарки. Римский-Корсаков – свои новые ноты, Гинцбург – бронзовую фигуру Толстого. Стасов какие-то новые книги, а я – фотोगрафию с «Гонца».

Тот, кто знал тихие переулки старой Москвы, старинные дома, отделенные от улицы двором, всю эту атмосферу просвещенного быта, тот знает и аромат этих старых усадеб. Пахло не то яблоками, не то старой краской, не то особым запахом библиотеки. Все было такое простое и вместе с тем утонченное. Встретила нас графиня Софья Андреевна. Разговором, конечно, завладел Стасов, а сам Толстой вышел позже. Тоже такой белый, в светлой блузе, потом прозванной «толстовка». Характерный жест рук, засунутых за пояс, так хорошо уловленный на портрете Репина...

Только в больших людях может сочетаться такая простота и в то же время несказуемая значительность. Осмотрел Толстой скульптуру Гинцбурга, сделал несколько кратких и метких замечаний. Затем пришла и моя очередь, и Стасов оказался совершенно прав, полагая, что «Гонец» не только будет одобрен, но

вызовет необычные замечания. На картине мой гонец спешил в лодке к древнему славянскому поселению с важной вестью о том, что «восстал род на род». Толстой говорил: «Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше – жизнь всё снесет. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывет». Затем началась беседа о музыке. Получился целый толстовский день. На другое утро, собираясь обратно в дорогу, Стасов говорил мне: «Ну, вот теперь вы получили настоящее звание художника».

Рерих был далек от политики, но он считал, что люди могут и должны жить в обществе, свободном от любых форм насилия, построенном на основе разума, добра и красоты. Путь к такому обществу он видел в усовершенствовании отдельной личности посредством просвещения и постижения благотворной силы искусства. Он отводил искусству роль духовного, нравственного преобразователя жизни, был убежден, что развитию нового, более совершенного человеческого общества должно способствовать осознание Красоты во всех ее проявлениях.

Умер Николай Константинович в возрасте 75 лет, из них 42 года он прожил в Петербурге. Здесь он учился в Академии художеств и университете, здесь стал художником, археологом, поэтом, педагогом. В Петербурге он создал свои замечательные живописные работы, принесшие ему известность.

■ О.А. УСТЮГОВА, г. Ангарск

Даты забудутся —

Через год краеведческий музей Усть-Илимска отметит свой 25-летний юбилей. Музей был открыт в 1993-м году вопреки экономическим трудностям начала 90-х и благодаря настойчивости начальника Управления культуры Татьяны Геннадьевны САФИУЛИНОЙ.

Вообще, разговоры о создании музея велись еще в конце шестидесятых годов. В 1969-м году на исполкоме районного Совета депутатов трудящихся даже было принято решение «Об организации Усть-Илимского краеведческого музея». Однако дальше дело тогда не пошло. А жаль, потому что из-за этих бюрократических проволочек основные исторические события жизни Усть-Илимска свершились до открытия музея, и музейщикам пришлось восстанавливать их по архивным документам и рассказам очевидцев.

Потом к вопросу о создании музея возвращались в восьмидесятых годах, даже создавали оргкомитет и намечали дату открытия, но опять что-то не сложилось, и краеведческой работой в городе занимались только энтузиасты в городских школах.

В 1992-м году, наконец, вопрос решился благоприятно — нашлось помещение под будущий музей. Завершалось строительство детского клуба. Брать его на баланс никто не решался — начало девяностых было временем, когда предприятия сбрасывали с себя содержание соцучреждений. Тогда начальник Управления культуры **Татьяна Геннадьевна Сафиулина** пришла к мэру города **Анатолию Анатольевичу ДУБАСУ** и предложила отдать клуб под музей. Тем более, уже просматривалась основа первой экспозиции. Дело в том, что учитель географии школы № 9 **Вера Сергеевна МИХАЙЛОВА** вместе с учениками во время экспедиций в низовья Ангары собрали приличную этнографическую коллекцию, которую школа содержать не могла. Чтобы экспонаты коллекции не пропали, надо было срочно решать их судьбу. Примерно такая же ситуация сложилась с экспонатами музея истории ЛПК. Сафиулина уже тогда мысленно объединила эти две коллекции в одну. Мэр предложение поддержал, и вопрос открытия музея решился положительно. Хотя и бытовало мнение, что кризис в стране — не время для открытия нового учреждения культуры в городе. 10 апреля 1993 года директором будущего музея была назначена **Наталья Викторовна МИШАЛКИНА**, которая и сегодня возглавляет это учреждение культуры.

Готовясь к открытию, музейщики оформили две экспозиции. Этнографическую, в основу которой легла коллекция предметов школы №9. Местный художник **Андрей КРЮКОВ** предложил интересный художественный приём для её оформления. Так называемый «черный зал», где черный цвет стен символизирует плодородие илимских пашен, а центральная конструкция зала одновременно служит чердаком для старых вещей и напоминает о близости места падения Тунгусского метеорита, который взорвал сибирскую тайгу, и от удара всё в округе взлетело вверх, да так и замерло...

Кроме этнографической, была сделана еще экспозиция истории города, ГЭС и градообразующего предприятия — лесопромышленного комплекса. Так была положена основа будущего зала Современности. Хотя сказать: экспозиция тогда — это было громко. Оформили три витрины, в которых разместились мастерок и каска известного в Усть-Илимске бригадира строителей Васильева и экспонаты из музейной коллекции ЛПК. А еще областной комитет по культуре купил у иркутского художника Шипилина несколько картин, написанных им в годы строительства Усть-Илимской ГЭС. Они тоже стали экспонатами музея и до сих пор хранятся в фондах. Забегая вперед, скажу, что за годы работы экспозиция, посвященная лесопромышленному комплексу, переставалась несколько раз. И каждый раз пополнялась новыми экспонатами, документами, фотографиями.

Несколько лет назад музей приобрел сенсорные киоски, экраны и 3D витрину, которые сегодня используются при очередной реконструкции зала. В своём новом исполнении экспозиция «Лесная индустрия Усть-Илимска» была открыта в ноябре 2016 года, в день 37-летия первой варки целлюлозы.

12 июня 2017 года в присутствии Почётных граждан города, первостроителей, прошло торжественное открытие экспозиции «Легендарный Братскгэсстрой». Здесь представлен материал, посвященный Ангарской геологической экспедиции, первопроходцам и первостроителям, водителям-трассовикам, строившим автомобильную трассу Братск — Усть-Илим. Здесь же посетители музея могут заглянуть в палатку первостроителей, в которых жители молодого посёлка провели четыре первых года. В конце 1966 года все строители Усть-Илима переехали в благоустроенное жилье. И только тогда начальник Братскгэсстроя **Иван Иванович НАЙМУШИН**, которому в экспозиции тоже посвящен отдельный раздел, с удовлетворением отметил: «Всё, Усть-Илим начался!»

Чем больше информации по истории города и трех ударных комсомольскихстроек собирается в музейных фондах, тем больше новых интересных легенд узнают музейщики. И сегодня эти городские легенды ложатся в основу музейных экскурсий. Для текстов экскурсий рассказы, легенды, истории очевидцев очень важны, ведь как показывает опыт, посетители не всегда запоминают даты, кубометры, киловатты, но очень хорошо запоминают городские легенды и даже сами потом передают их из уст в уста.

Сейчас на очереди в зале Современности — оформление комнаты жителя города середины семидесятых годов. В её создании уже несколько лет участвуют сами жители города, передавая в дар

• Зал этнографии

Легенды останутся

музею соответствующие времени предметы быта, одежды.

Еще один музейный зал – Сибирская горница – вместил в своих стенах предметы декоративно-прикладного творчества, выполненные усть-илимскими мастерами. Идея – знакомить население с традициями народного творчества жителей Сибири – легла в основу совместного проекта музея и школы искусств №2, где уже 25 работает отделение декоративно-прикладного творчества, больше известное в городе как Школа ремёсел. Благодаря этому сотрудничеству интерьер горницы периодически меняется – то в ней демонстрируется роспись по дереву, то изделия из берёсты, то удивительные по качеству исполнения предметы, вырезанные из дерева. Кроме того, в музейной горнице проводятся обряды старинных русских свадеб по сибирским обычаям.

В 2010-м году в музее появились новые площади. Это позволило открыть зал Морской славы. Морская тема с некоторых пор стала исторической страницей Усть-Илимска. Еще в 2004-м году ветераны военно-морского флота решили создать при музее свой клуб «Румб». Именно по инициативе председателя клуба **Аркадия Михайловича ВОЛКОВА** началась работа по присвоению одному из кораблей Тихоокеанского флота имени нашего города. В 2010-м году малый противолодочный корабль №17 был переименован в МПК «Усть-Илимск». По этому случаю во Владивосток отправилась делегация усть-илимцев. Вернувшись, они передали музею подарки тихоокеанцев – картину с изображением корабля и Андреевский флаг. Это были первые экспонаты зала Морской славы. Далее концепцию создания экспозиции разработали научные сотрудники музея, а с экспонатами помогли усть-илимские моряки.

К 70-летию Великой Победы была полностью реконструирована экспозиция, посвященная истории Великой Отечественной войны «Этих дней не смолкнет Слава». Экспозиция построена с учётом современных технических возможностей. Изменилась и концепция подачи материала – рассказывая школьникам об основных битвах Великой Отечественной войны, музейщики обязательно говорят о ветеранах – усть-илимцах, которые принимали участие в этих битвах.

В фондах музея собран подробный материал и о воинах – интернационалистах, принимавших участие в событиях в Афганистане, Чечне.

В 2003-м году в музее появилась экспозиция – «Сокровища сибирской тайги». В музее скопилось большая коллекция чучел животных, собирать которую помогал предприниматель **Иван Степанович КОСТИН**. Автором художественного оформления этого зала стал художник **Александр ДОМБРОВСКИЙ**. Кроме знакомства с современными обитателями тайги, посетители воочию могут убедиться в том, что на месте, где они сейчас находятся, миллионы лет тому назад обитали мамонты, шерстистые носороги, другие животные, кости которых тоже представлены в экспозиции.

В 2012-м году в музее появился долгожданный выставочный зал. Необходимость в нём назрела давно – в городе немало талантливых людей, которые могут выставить на обозрение горожан свои работы. Так, уже более 20 лет ежегодно в музее проводится выставка «Вышитые шедевры», где представляются работы мастериц-вышивальщиц. За эти годы в выставочном зале прошли выставки местных художников, фотографов, коллекционеров.

Сегодня в фондах краеведческого музея находится более 10 тысяч единиц хранения. Создание стационарных экспозиций – это главная задача коллектива. Но наряду с этим идёт постоянная работа по наполнению фондов, а также по реализации проектов, которые рождаются в музее, а также в соавторстве с партнерами – школами города, другими учреждениями культуры.

В то время, как этот материал готовился к публикации, в музее полным ходом шла работа по ремонту помещений, где в ближайшее время разместится уникальная коллекция Бабок-Ёжек, подаренная музею жительницей города **Людмилой ГУБАРЕВОЙ** еще в 2008-м году. К сожалению, всё это время Ёжки кочевали из зала в зал, а то и вовсе находились в творческих командировках, радуя ребятню Братска, Вихоревки, Железногорска-Илимского. В этой коллекции более ста кукол, привезенных из разных стран мира, что свидетельствует о широкой популярности русского сказочного персонажа. Наконец-то у любимец детворы появится своё постоянное место жительства!

Музейщики, в ожидании новоселья, уже готовят экскурсионные тексты, направленные прежде всего на детскую аудиторию. С этим расчётом и делается вся экспозиция. Дети смогут не только знакомиться с любимым сказочным героем – Бабой Ягой, но и смотреть мультфильмы с её участием, фотографироваться с понравившимися куклами и даже пить с ними чай. Открытие новой музейной экспозиции «Лесная сказка» станет, пожалуй, главным событием лета 2017 года и подарком ко дню рождения музея.

■ Е. ТРУФАНОВА,
г. Усть-Илимск

• Сибирская горница

• Чаепитие в сибирской горнице

• Морской зал

Праздник на Телецком озере

19 августа 2017 года, в селе Яйлю, центральной усадьбе Алтайского биосферного заповедника, традиционно состоялся праздник «Яблочный спас». На протяжении 15-ти лет на берегу Телецкого озера в этот день проходят богослужение, освящение яблок и других земных даров, выставка картин и сувениров под открытым небом, творческие номера и мастер-классы.

Праздничную литургию и освящение плодов нового урожая возглавил епископ Горноалтайский и Чемальский Каллистрат, ему сослужили: настоятель храма Серафимо-Дивеевской иконы Божией Матери «Умиление» (с. Артыбаш) иеромонах Максим (Хивинцев) и диакон Максим Герб.

Под руководством Татьяны Южаковой был подготовлен большой праздничный концерт. Гостями праздника стали фольклорный ансамбль «ЯРМАНКА» (с. Турочак) и художественный руководитель ансамбля, солист государственной филармонии Республики Алтай Марина Вялкова, Заслуженный артист России и руководитель Русского камерного оркестра Алексей Кузнецов (г. Барнаул). В красивые хороводы вовлекала гостей праздника Татьяна Бодосова. Звучали стихи и песни под гитару и а капелла музыкальной группы «Cosmic Love» (г. Барнаул), ансамбля «Ради Радости» Артыбашской воскресной школы, проводились игры со зрителями.

Творческая выставка работ художников и мастеров Телецкого озера была организована Светланой Волковой. Приняли участие в празднике и известный на Телецком озере и далеко за его пределами художник Леонид Шилкин и его супруга Лариса, которая привезла и свои творческие работы. Новшеством праздника стали специально изготов-

ленные по заказу Алтайского заповедника пряники в виде яблока и яблочки-броши ручной работы.

Несмотря на дождливую погоду, праздник удался, организаторы и гости остались довольны и разъехались с надеждой на то, что мероприятие и в будущем останется доброй, славной традицией.

■ По материалам сайта
Алтайского биосферного заповедника,
фото А. ЛОТОВ

